

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ
ВИКТОР КОСЕНКОВ

ГОСТЬ
ВНУТРИ

Наши там (Центрполиграф)

Алексей Гравицкий

Гость внутри

«Центрполиграф»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Гравицкий А. А.

Гость внутри / А. А. Гравицкий — «Центрполиграф»,
2021 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09269-4

Девяностые годы прошлого века. Алексей Беляев возвращается из армии в родной Питер и понимает, что за два года совершенно выпал из жизни. Любимая девушка не дождалась. Друзья заняты своими делами, работы нет, с родителями взаимное недопонимание. Не сумев вписаться в новую жизнь, Алексей уходит из дома и решает плыть по течению. Но судьба играет с Беляевым злую шутку, подбрасывая ему новые и новые сюрпризы. Он проходит через криминальный мир Питера, погружается в оккультный мир, опускается на самое дно, ниже которого только девять кругов ада. А по пятам идет нечто еще более жуткое, чем сам ад.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09269-4

© Гравицкий А. А., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Пролог	6
1	7
2	11
3	14
4	18
5	30
6	35
7	37
8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алексей Гравицкий, Виктор Косенков

Гость внутри

Когда этот гость был внутри, он тихо, спокойно сказал...

Б. Гребеничиков

Это трудная книга.

Авторы

© Гравицкий А.А., Косенков В.В., 2021

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2021

© «Центрполиграф», 2021

Пролог

Они пришли ко мне ночью. Или днем? Нет, кажется, ночью.

Хотя на самом деле я этого совсем не помню. День или ночь? Зима, лето или какое-нибудь межсезонье? Память затрудняется дать четкий ответ. Вероятно, тогда я уже не придавал значения таким мелочам, как происходящее за окном. Это сейчас я с живейшим интересом наблюдаю эту медленную перемену, происходящую в окружающей меня действительности. Мне нравится смотреть, как день становится ночью, проходя через вечер. Мне интересно видеть, как лето тускнеет, преодолевая испытания осени, и становится зимой. Больше всего меня интересует, как вторник становится средой.

Сейчас.

А раньше, раньше мне было наплевать. Решительно на все вокруг меня, кроме, может быть, меня самого, да и то с перерывами. Поэтому я не могу вспомнить, когда они пришли ко мне. Приятно думать, что это произошло ночью. Где-то посреди лета. Холодного. Я очень люблю холодное лето, потому что в нем есть место многообразию.

Какому многообразию?

Очень просто! Холод сменяется теплом, дождь солнцем, наводнение по-весеннему затопляет улицы... Всегда происходит что-то неожиданное, природное.

Я не спал. Я просто лежал в кровати, укрывшись простыней, и смотрел, как ночной ветер развеивает цветочки тюля на занавеске. В окно вливался свежий воздух, белый свет фонаря и запах Невы. Мне было странно хорошо. Больше ничто не маячило перед глазами, не пугало, не звало.

На растревоженной душе царил покой, какой случается в редкие моменты, когда одна женщина ушла уже достаточно давно и куски порванных чувств начинают оседать на дно души беспорядочными снежными хлопьями, а до другой еще далеко, это значит, что снег в душе еще будет долго лежать nepотревоженным. Женщин, как приходящего явления, у меня не было уже давно. Скорее уж я сам мог называться приходящим в их жизнь. Однако внутри, в душе, было снежно.

Вместе со снегом чувств в моем теле оседал метадон¹. Может быть, это было одной из причин того, что я чувствовал себя спокойно...

Дыхание едва шевелило губы, неестественно белый свет фонаря проникал в комнату, ночной ветер трепал цветы тюлевой занавески. Черные крапинки метадона делали снег серым. На какой-то момент мне показалось, что я умираю. Вот-вот, еще немного и...

И именно в этот момент ко мне вошли они.

Я закричал, потому что их приход был болью.

Я заплакал, потому что понял их сразу, без промедления.

Когда наконец истерика улеглась, я встал, прошлепал босыми ногами в ванную, пустил там горячую воду и вскрыл себе вены тонким, уже начавшим ржаветь, но все еще острым лезвием «Нева».

И я умер. Точно умер. Наверняка умер.

Только очнулся почему-то в лечебнице для душевнобольных.

¹ Метадон – синтетический наркотик из группы опиоидов. Производство и использование на территории РФ преследуется законом.

1

Утренний обход – это процедура не сказать чтобы приятная. Чем-то она похожа на прием лекарств. Как говорит наша ночная нянечка Дарья: «Лекарство не горькое, а полезное». Логика убойная, даже для сумасшедшего дома. По поводу полезности тех пилюль, которыми нас пичкают, можно еще поспорить, но что-то определено в ее словах есть. Неотвратимая, железобетонная обреченность. Та самая, которой веет от понедельничного утра, когда Петрович и Михалыч идут нас осматривать. Мероприятие это по-настоящему глупое, потому как психушка – это то место, где ничего не меняется годами. За три года пребывания тут я выучил эту истину наизусть, но Петрович и Михалыч, видимо, еще не достигли этого уровня просветления и по-прежнему пребывают в темноте иллюзий.

Это не моя фраза, и мысль, собственно, не моя. Это Егорка задвинул. Он у нас чуток помешан на индуистском мировоззрении, крутился с какими-то гуру.

Петрович и Михалыч – это наши врачи. Их никто иначе не называет, кроме персонала, разумеется. Один из них главный, а второй его заместитель, который спит и видит, как бы оказаться в кресле главного. Дуэт отвратительный, но характерный.

Самое интересное, что по отдельности они очень приятные ребята. С Михалычем я даже несколько раз играл в шахматы. Но когда они проводят утренний осмотр на пару... Хуже события не случается за всю неделю.

Ну и конечно, сегодняшний день не был исключением.

У Ленки опять был ночью припадок, и он всю ночь прогавкал, вообще вел себя беспокойно. С ним это случается, когда полнолуние. Так в целом парень безобидный и даже иногда, когда в сознание приходит, стесняется своих закидонов. Но как полнолуние, все! Выносите кровать.

Леня один из тех, кто в дурке на своем месте. То есть не косит, как многие. К сожалению, это не облегчает моей участи. Гавкает он весьма натурально, громко, что, конечно, совсем не располагает ко сну. Бить убогого у меня рука не поднимается. Я знаю, что в других палатах такое бывает, и часто. Но дерутся в основном психи, а все те, что «нормальные», обычно терпят, не желая лишней раз обращать на себя внимание врачей.

Обычно в таких случаях соседи по палате с настоящим психом наглатываются снотворного. Я бы с удовольствием к ним присоединился, но мои таблетки были банально украдены.

Таким образом, когда Петрович и Михалыч вошли в нашу палату, в окружении кучи всяких сестер-братьев и прочего медсброта, я оцепенело сидел на краешке койки, созерцая сопящего под своей кроватью Леню. Сосед справа, Вова, который слопал мою порцию лекарств, тоже был не в лучшем виде. Четвертого у нас в комнате не было. Он умер три дня назад, правда, никто об этом не знает, кроме меня и докторов.

– Так-так... – обыкновенно произнес Петрович, светило отечественной психиатрии, застывая на пороге палаты.

В тот же миг из-под его руки проскользнула юркая фигура медсестры Зинки.

Зинка была противная молодая тетка с явными следами острой мужской недостаточности на лице. Занудный и одновременно боевой характер не оставлял Зинке шансов на получение сколь-либо сносного жениха.

– Беляев, почему Ленечка под кроватью?! Почему не под одеялом? Он простудится! – затараторила она, стремясь проявить инициативу и показать, что обычно за порядком она следит, но... – А этот почему спит?! Чего вы молчите?! Вы же старший в палате! Вы же должны...

– Зинаида Афанасьевна... – не выдержал начальственный бас Петровича. – Ну сколько можно?... Вы же видите, что Алексей Николаевич сегодня не в форме. Что с вами, голубчик? Как вы себя чувствуете?

Расторопные медбратья уже раскручивали меня по полной программе. Давление, пульс, цвет век, причесать...

Я молчал. Петровичу мой ответ не нужен, он уже сделал свои выводы, и любые мои слова были бы просто подшиты в дело с надписью: «Алексей Николаевич Беляев. История болезни».

– Так-так... – Главврач рассматривал мою карточку, бормоча под нос. – Процедуры... Так... Диета... Терапия...

– Не следует ли увеличить дозу, Андрей Петрович? – влез Михалыч, воспользовавшись минутной паузой начальника. – Прогресса не видно...

– Нет никакой необходимости, Андрей Михайлович, – в тон ему ответил Петрович, раздувая шикарные, горьковские усы. Эти усищи делали главврача похожим не то на старорусского купца, не то на эдакого классического казака. Тем более что комплекции Петрович был весьма плотной и могучей. Больные его робели. Так же как и санитары. – Вы сами знаете, что повышенная химиотерапия не приведет к положительному результату в этом случае. Это... Так-так... – Он что-то подчеркнул в карточке. – Это очень интересный и сложный случай, с которым тем не менее можно разобраться. Я в этом уверен.

Петрович замолчал, проглядывая результаты произведенных анализов и сравнивая их с пятничными. Видимо, ничего фатального не обнаружилось. Он, не глядя, сунул результаты в толпу практикантов и обратился ко мне:

– И мы уверены в успехе, правильно?

Петрович сел возле меня на койку и чисто автоматически взял меня за руку, считая пульс. Практиканты, медбратья и сестры придвинулись ко мне ближе.

– Уверены?

Я кивнул. И подтвердил свой кивок словесно:

– Безусловно, уверены.

– Хорошо! – жизнерадостно прогудел Петрович и поверх очков посмотрел на притихшую публику. – Очень хорошо! Вас беспокоило что-то? Плохая ночь?

Я кивнул. В опухших глазах невыносимо резало.

– Беспокоило... – отозвался я. – Собаки всю ночь лаяли. Не выспался...

– О... – Петрович похлопал меня по руке. – Ничего-ничего... У вас сегодня будет спокойный день. Будете отдыхать! Но постарайтесь днем не спать. Лучше перетерпите.

Он встал и, кивнув на меня, пробормотал что-то на ухо Зинке. Та кивала и даже пыталась что-то записать, но сбилась и только повторяла вполголоса: «Понятно. Конечно. Да. Закрою. И форточку».

Потом они оставили наконец меня в покое и занялись Ленькой.

Тот хныкал и вяло вырывался. Однако, увидев Петровича, заулыбался беззубым ртом и что-то залопотал. Мне даже показалось, что нечто осмысленное. Извинялся, что ли, за свою ночную выходку. Хотя что с него возьмешь? Больной.

Я в очередной раз подумал, что главврач удивительный человек и психиатр от Бога. Так влиять на больных, я имею в виду действительно больных, как Андрей Петрович, не может никто. И пусть Михалыч на его место не намыливается, ему не светит, хотя и мужик он хороший.

После того как они ушли, нас потащили завтракать.

В очереди я встал рядом с Вовкой, тем, что попер мое снотворное.

– Что ж ты, сволочь, делаешь? – прошипел я.

– А чё?

У Вовы затянувшийся период адаптации. Доктора никак не могут добиться его вливания в общий дружный коллектив. На самом деле Вован просто косит. Я уж не знаю, от кого он скрывается и что прячет, но он самый нормальный в стенках нашей психушки человек. Нормальнее некоторых медицинских работников.

– Ничё, гад. У Лени приступ был, я всю ночь не спал. Тебе что, не хватает одной таблетки?

– Не-а... – ответил Володя не моргнув глазом. – Знаешь... Ну, совершенно не втыкает. Зато ты за Ленчиком присмотрел. Все польза.

– Падла ты, – отозвался я. – Тебя бы на всю ночь с ним оставить...

– Да ладно... – Вова миролюбиво ткнул меня в бок. Меня качнуло, чувствовалась разница в комплекции. – Я тебе сегодня косячок уступлю. Не возражаешь?

Я не возражал, и он, тихонько похрюкивая, продвинулся вперед.

На каких харчах Вова здоровеет, мне непонятно. То, чем кормят в больнице, совершенно не располагает к полноте. Скорее уж наоборот, тут все условия для похудения. Однако Вовке этого хватает. Румяный и толстый, он мне напоминает странно извращенную вариацию одного персонажа из романа Ремарка «Искра жизни». Я точно не помнил, как звали того еврея в концентрационном лагере, который мог достать почти все, активно торговал с «волей», но Вовка был похож на него во всем, кроме чрезмерной откормленности. Этот талантливый артист, успешно прикидывающийся умалишенным, мог достать все, что угодно, не нарушая правил внутреннего распорядка и не попадаясь на глаза персоналу. Впрочем, некоторые санитары почти наверняка были вовлечены в его афер-ки. Иногда мне казалось, что он делал свой маленький бизнес из «любви к искусству». Рынок сбыта в лечебнице был невелик, в основном Вовкиными услугами пользовались симулянты и наркоманы, которых было в стенах клиники немного.

Сидя напротив Вована, я рассматривал его, старательно жуящего геркулесовую кашу, и в очередной раз думал о том, кем же он был «там»? Там – это за стенами больницы. Глупые размышления. Глупые и опасные.

Каждый симулянт попадает в психуху по причинам личного характера. В основном это связано с потребностью спрятаться от кого-либо. От конкурентов, от бандитов, от кредиторов, от закона, от не в меру резвого государства. И методы у каждого симулянта свои, персональные. Все те, кто усиленно косит, – это виртуозы своего дела, артисты. Хотя некоторые, но таких у нас совсем мало, просто платят кому надо и оказываются в персональной палате. Даже Петрович иногда закрывает на это глаза. Он же тоже человек.

Это очень интересное занятие – пытаться выявить среди реально больных людей симулянтов. В этом замкнутом человеческом кругу, слепленном по гротескной кальке с настоящего общества, всегда царит недоверие, все находится в постоянном напряжении, и особенно те, кто скрывается от своих бывших поделщиков или конкурентов. Вопреки распространенному мнению, в психушку не так уж просто попасть, а удержаться тут еще труднее. Особенно если налицо все признаки нормальности, а артистизма ноль. Но если вы уже сюда попали и сумели найти нужную линию поведения, достать вас снаружи тоже нелегко. Хорошая клетка, которая при случае может превратиться в мышеловку.

– Чего уставился? – спросил Вовка, не прекращая пережевывать кашу.

Видимо, я слишком долго на него пялился, и он заподозрил недоброе.

– Да вот, – пожал я плечами. – Думаю, чего ты тут делаешь?..

Вова засопел, прервал процесс поглощения серой жижи, что называлась кашей, и посмотрел на меня исподлобья:

– А тебе чего от этого?

– Просто интересно. Ты везде устроиться сможешь. Вот и думаю, с чего тебя сюда занесло... С твоими-то талантами.

Вова снова застучал по тарелке ложкой.

– Много будешь знать... Мало будешь жить... – расслышал я сквозь чавканье. – Ты здесь по делу, и я тоже, так что лопай себе, и все...

– Скучный ты человек, – сказал я. – При всей своей оригинальности.

Вова почесал лоб и посмотрел на меня заинтересованно.

– Зато ты уж больно веселый...

И вдруг мне показалось, что за этими словами что-то было. Какой-то дополнительный, скрытый подтекст, понять который мне нужно, даже необходимо.

Есть расхотелось совершенно.

После завтрака Вовчик сунул мне в руку туго свернутую сигаретку с коноплей, которую я тут же использовал в туалете.

Где и каким образом он добыл драгоценный косячок, догадаться было невозможно.

2

Конопля не отпускала меня долго. То ли отвык, ослаб на больничной пище, то ли просто попалась какая-то хитрая, дополнительная «пропитка», удивительным образом вступившая в реакцию с моим метаболизмом. Я около часа просидел в туалете. Потом долго мотался по каким-то помещениям, а приход все не отпускал. В организме образовалась приятная легкость, цветовая гамма окружающего мира приобрела удивительно теплый оттенок. Я наконец выбрался из каких-то комнат, где было свалено белье, и, слегка пошатываясь, побрел по коридору.

На коноплю, подsunутую Владимиром, у меня была совершенно особенная реакция. Это сильно напоминало легкое опьянение. Когда сознание еще не затуманилось, но излишнюю резвость уже потеряло и все стало медлительным, приятным и приносящим только положительные эмоции. Обычно все было иначе.

Вообще конопля штука странная. Коварная штука. Со своей философией, со своим собственным сознанием и взглядами на жизнь. У каждого наркотика есть свои взгляды на жизнь, свое мировоззрение и своя особенная черта характера. Можно даже назвать это личностью. Например, анаша обладает особенно высокой приспособляемостью к обстоятельствам. У нее мягкий, не вздорный нрав, и, если бы конопля имела лицо, на нем играла бы добрая, но очень двусмысленная улыбка. Это самое мягкое и самое труднопреодолимое рабство на свете. Рабство конопли. Мягкое, без острых углов, но цепкое, всеохватное и часто просто непреодолимое. Вот, скажем, у героина совсем другие особенности... Он слишком груб и целенаправлен. Его насилие слишком явное, чтобы его не замечать. Потому, как ни парадоксально это звучит, с ним легче бороться. Всегда легче бороться, когда ясен враг. Удобно противопоставлять силе другую силу.

То, что у каждого наркотика есть свой характер, не так страшно. Где-то это даже естественно. Но отвратительно другое, – когда взгляды на жизнь наркомана становятся взглядами на жизнь наркотика. После этого возвращения не бывает. Я точно знаю, потому что прошел если не через все, то через очень многое благодаря дури. Подошел к самому краю, да так назад и не вернулся. Болтаюсь теперь где-то на краю, балансирую, сменив метадонового хозяина на конопляного... Рабство. В нем виноват не хозяин. В рабстве виноват сам раб. Тот, кто не имеет сил к сопротивлению, тот, кто хочет подчинения и приветствует его. Рабом нельзя стать, рабом можно только родиться.

В приятной расслабленности от интеллектуального самобичевания я брел по коридору. Мимо проплывали двери кабинетов, странные залы, совсем незнакомые мне гулкие процедурные. К сожалению, мне не довелось выяснить, до какого предела можно пойти в эдакой нирване, потому что я наткнулся на Петровича. В буквальном смысле слова.

Главврач стремительно двигался по коридору, глядя себе под ноги и что-то бормоча. Он возник, в своем ослепительно-белом халате и мягких тапочках, из бледной, белесой дымки перед моими глазами, как чертик из табакерки. Мы столкнулись, при этом он весьма ощутимо ударился затылком о низ моей челюсти. Клац! Мой рот, распахнутый в идиотской ухмылке, захлопнулся со щелчком. Нокаутированный таким хитрым образом, я пошатнулся и начал заваливаться назад.

Нужно отдать должное докторской реакции. Меня мигом подхватили сильные руки.

– Ой-ой-ой! Осторожно! – воскликнул Андрей Петрович и ухватил меня внимательным взглядом поверх очков. – Беляев, вы почему не в палате? Что вы тут делаете? Как вы вообще сюда попали?

– Вот... Гуляю... – выдавил я.

– Гуляете? – Глаза главврача резко сощурились, а усы растопырились в разные стороны кустистыми венчиками. Он втянул в себя воздух. Я задержал дыхание.

– Канабис... – медленно и по слогам произнесли приговор губы главврача. – Или, простому, анаша. Все признаки...

Он цепко удерживал мои глаза взглядом, впился в них, словно клещ. Я молчал.

– Зинаида Афанасьевна! – пронеслось по коридору. – Пришлите кого-нибудь из санитаров, прошу вас. Будет у нас с вами, Беляев, серьезный разговор. В других, как вы сами понимаете условиях...

– Андрей Петрович, – начал я. – Ну...

– После поговорим, – отрезал он. – В изолятор.

Меня подхватили сзади сильные руки санитаров.

Сопrotивляться я даже не пытался. Одно из первых правил находящегося в психушке человека – не оказывать сопротивления при «задержании». Только хуже будет.

Перед моими глазами стремительно понеслись черно-белые квадраты коридорного линолеума. Закружилась голова.

На полпути к изолятору нас догнал голос Андрея Петровича:

– И анализ крови сделайте! Я хочу точно знать!

По пути меня затащили в процедурную, положили на обитую клеенкой кушетку и начали колоть иглками. Я терпел. А чего еще сделаешь?

Подождав окончания всех необходимых экзекуций, санитары подхватили меня и поволокли в «одиночку для буйных». Бросили там на пол и неслышно затворили за собой дверь.

Мягкий, ватно-поролоновый пол бережно принял мое тело.

Крепко зажмурившись, я всеми силами старался оттянуть этот неотвратимый миг, когда буду вынужден открыть глаза и обозреть доставшееся помещение, понять, что нахожусь в большем и комфортабельном гробу. Комната полтора метра в ширину и два с половиной метра в длину. Сказочное помещение, где страх клаустрофобии успокаивает даже самых буйных безумцев.

Однако вечно лежать лицом вниз не будешь, и я медленно перевернулся. Открыл глаза, стараясь дышать как можно глубже. Локоть слегка побаливал от цепких пальцев медсестры, делавшей анализ крови.

Мягкие стены. Безликие. Кажется, что они медленно сдвигаются, незаметно для глаз, за твоей спиной! Я резко обернулся, и в тот же миг стена, на которую я посмотрел, отодвинулась на «честное» расстояние. Сзади что-то приближалось. Мягкое. Удушьющее. Истерика нарастала, заполняя все пространство моей головы. Страшно хотелось что-то делать. Вскочить, колотить руками в обитую мягким дверь, расцарапывать брезент, биться головой об упругие стены! Однако именно этого делать было нельзя. Именно этого ждало от меня притаившееся в этой комнате сумасшествие. Ведь каждый сантиметр этих нежных, как взгляд наркодилера при первой «демонстрационной» продаже, стен был пропитан безумием, заглушенными криками, мольбами, болью сорванных ногтей... Стены только того и ждут, чтобы я повелся на провокацию, кинулся на них, и тогда... Тогда уже не будет пощады, тогда они навалятся на меня, чтобы задавить, вытянуть воздух из легких вместе с криком, лишить меня голоса. Комната хочет, чтобы я сорвался. Тогда пытка будет продолжаться вечно, без смерти, без дыхания, без жизни. Всегда!..

Сцепив зубы, я с усилием закрыл глаза и начал медленно считать до десяти. Потом до двадцати. Потом до ста... Осторожно, словно сапер, подбирался я к мине-истерии. Чтобы обезвредить, чтобы ликвидировать, не дать ей разорвать меня на части. Приблизительно на пятидесяти семи я осторожно разрыл вокруг нее песок. Где-то на семидесяти я прикоснулся к детонатору голыми, чувствительными пальцами, и это прикосновение заставило меня задрожать.

На цифре восемьдесят три я сделал последний оборот и со скоростью часовой стрелки начал вытаскивать взрыватель.

«Девяносто, девяносто один, девяносто два... – Я смотрел на это разрушительное оружие. Истерика. Теперь, разоруженное, оно уже не казалось таким грозным. – Девяносто три, девяносто четыре, девяносто пять... – Я разобрал мину на несколько частей, разложил их далеко друг от друга. – Девяносто шесть, девяносто семь, девяносто восемь... – Я видел, как истерика тает на моих глазах. – Девяносто девять...»

Все.

Утомленный, я сел и привалился к мягкой стене. Уперся в нее затылком, посмотрел на низкий потолок.

Этому фокусу, с разминированием истерики, меня научил Дмитрий Васильевич, великолепный дядя Дима. Который умел почти все, в том числе и обезвреживать настоящие мины. Мне казалось, что он был когда-то тем, что называется «черный генерал», человек, побывавший в самых немыслимых горячих точках по всему миру, от Вьетнама и Кореи до Гондураса и Боливии. Сам дядя Дима нечасто распространялся на тему своего прошлого, как, впрочем, и все мои гости.

Я немного расслабился и прикинул, что теперь будет происходить вокруг меня, в связи с моим глупейшим проколом. Кайф потеснился перед адреналиновым приходом, как будто его и не было, во рту было гадко, в голове нарастала тупая затылочная боль.

Ну конечно, Петрович меня будет «колоть» на предмет, откуда я взял в психушке анашу. Я ему не скажу, потому что выдавать Вована нельзя. Себе дороже может получиться. Значит, надо что-то придумать.

Потом главврач будет читать мне морали, это тоже не в счет.

А вот потом он может меня наколоть какой-нибудь дрянью с длинным химическим названием. И это, наверное, хуже всего. Потому что химиотерапия – штука страшная. И, насколько я могу судить, предназначена совсем не для становления больных на путь выздоровления, а наоборот. После нескольких таких «ударных» доз я, как минимум, загавкаю наподобие Лени, а максимум... Страшно представить.

Значит, нужно сострять более или менее правдоподобную историю на этот счет. Что-нибудь простенькое. Чем проще, тем правдивей.

Адреналин, выброшенный в кровь при встрече с врачом, начал медленно расходиться, и конопляная дурь снова стала медленно заполнять мое сознание.

Я успокоился. В полудреме прикрыл глаза. Память начала раскручивать свои шестеренки. Я плавно, как в зыбучий песок, проваливался в прошлое.

3

Алексей Беляев. 20 лет. Воспоминания

Поезд равномерно подпрыгивал на стыках рельсов.

Ритм становился все более и более завораживающим. За окнами сгустился вечер, в купе потемнело, но почему-то никто не включал освещение. Горела только одинокая лампочка над верхней полкой. Там лежал молчаливый молодой человек и читал Валентинова – «Диомед, сын Тидея». Книжка была в коричневой твердой обложке, явно из какой-то серии. Внутренне Алексею претила мысль брать книгу из серии в поездку. Ценная вещь. Однако молчаливого парня меньше всего волновало мнение какого-то дембеля, молодой человек был настолько погружен в чтение, что Алексею даже казалось, что он сказал только «Добрый день», когда входил в купе, и больше ничего, сразу завалился наверх и общался с окружающим миром только посредством жестов, означающих либо «да», либо «нет».

Например:

Проводник:

– Хотите чаю?

Молодой человек, движением головы:

– Нет.

Проводник:

– Вам принести одеяло?

Молодой человек, жест рукой:

– Спасибо, не стоит.

Приблизительно так.

В остальное время сверху слышался только периодический шелест переворачиваемых страниц. Алексею было интересно узнать, что же такое увлекательное было заложено в книжке с коричневой обложкой, но непонятная стеснительность овладевала им перед лицом такой глубокой сосредоточенности.

Вероятно, такие же чувства испытывал и собеседник Алексея, который разливал по стаканам дешевый коньяк и не включал свет.

Мимо мокрого окна проносились растянутыми вспышками фонари, изредка раздавались тревожные трели поездов. Где-то там, за окном вагона, вдалеке, горели огоньки домов, там жили другие люди, смотрели телевизор, пили чай, размешивая сахар, позвякивая ложечкой о край чашки. От осознания этого становилось необычно тепло на душе. Мир казался маленьким, добрым, мудрым и одновременно огромным, чтобы вмещать в себя эту массу хороших людей с их собственной, незнакомой жизнью.

Восприятие менялось на глазах, хотя, может быть, это коньяк уже плясал свои шаманские танцы где-то внутри головы, преображая реальность.

Собеседника звали Василий Игоревич, это был потертый жизнью мужик, с уже седыми висками и полустертой татуировкой на левой руке, на костяшках проглядывала синевой надпись: «В АСЯ», а ближе к запястью угадывался морской якорь.

– Когда мы стояли в Йокогаме, – говорил Василий Игоревич, потирая руку между большим и указательным пальцем, как раз в месте, где угадывался синий якорь, – пил я там ихнее пойло... Бурда, скажу я тебе. Никакого вкуса, и слабая к тому же, как лимонад. Ерунду говорят эти наши всякие интютю. Мол, особенное настроение, состав. Бурда бурдой.

Он с медицинской точностью налил в стаканы равное количество коричневой жидкости.

– То, которое sake? – спросил Алексей.

– Оно самое. Рисовая водка, хотя, конечно, от водки там только название одно и ничего больше. Ты вот где служил?

– Под Читой, – ответил Алексей.
– Далеко... – уважительно протянул Василий Игоревич. – Тайга там, так?
– Так, – подтвердил Алексей. – Тайга вокруг, и все развлечения – что медведи по объекту шляются.

– Ракетчик? – спросил Василий Игоревич, прищуриваясь на петлицы Алексея.
Тот кивнул.

– Здорово. Давай-ка дернем за ракетно-ядерный щит. – Моряк звякнул своим граненым стаканом о стакан Алексея и непонятно добавил: – Чтобы летало.

Алексей не возражал и чтобы летало, и на предмет «дернем». Коньяк вспыхнул на языке и покатился дальше в глубины организма. Парень на верхней полке фыркнул чему-то своему и перелистнул страницу.

– Так чего там в Йокогаме-то? – потребовал продолжения Алексей.

– Да чего... Все то же, что и у нас, – порт, кран, загрузили, разгрузили, девочки кривоногие. В этом смысле все порты на одно лицо. А вот в городе интересно, мы там долго парились, пока все документы оформили. Красиво, само собой, но главное не в этом.

Он замолчал.

– А чего главное? – подыграл ему Алексей.

– Познакомился я там с человеком интересным. Ты вот слышал про такую штуку, как дзен?

– Дзен?

– Ну, учение такое...

– Слышал чего-то, – отозвался Алексей, действительно что-то припоминая. – Но я так понимаю, что русскому человеку этой всей тряхомудины не понять. Это все Восток, дело тонкое...

– А, я тоже так думал. – Василий Игоревич покачал головой, снова берясь за бутылку. – Пока с тем мужиком не познакомился. Мужик, конечно, японец, сидит у себя в доме. Дом еще такой классный, точно тебе говорю, сильный дом. Внутренний дворик у него там... Ну, все как положено. Фильмы японские видел? Все как там... А он, мужик тот, вроде как учитель местный... «Гуру» у них там называется. Очень уважаемый, авторитет прямо. Сидит на помосте, перед песком, грабельками, как пограничная полоса, расписанном. И камни там эдак художественно разложены.

– Сад камней, что ли? – спросил Алексей, наблюдая, как последние капли коньяка расходятся по стаканам.

– Во-во... – подтвердил попутчик. – Именно так и есть. Я уж и не знаю, чем еще занимается, врать не буду.

– А вы как с ним пересеклись-то?

– Это самое интересное и есть. – Василий Игоревич улыбнулся. – Иду я по улице, фотоаппарат на шею повесил и все на тамошних подруг посматриваю. Нормально все, солнышко, гомонят япошата вокруг... И тут подходит ко мне один из них, маленький, мне по плечо. Кланется и вежливо так говорит...

– Как говорит? На японском? – ухмыльнулся Алексей.

– Не, ты что, я этот язык ни в жизнь не выучу... Так, пару слов в памяти осядет, да и то с грехом пополам. По-английски, конечно.

– А вы английский знаете?

– Есть такое дело. Я ж моряк все-таки. Да и английскую школу отрубил в детстве... Не важно это. Дальше слушай...

– Может, выпьем?

– Может, – согласился Василий Игоревич и звякнул стаканом. – Ночь длинная.

Голова как-то отяжелела. Алексею стало казаться, что вагон раскачивается все ритмичней и ритмичней, укачивая и успокаивая.

– Учитель, мол, хочет с вами говорить... Я говорю, какой, мол, учитель? А он снова кланяется и все за собой жестами... Ну, думаю, где наша не пропадала. Пойду. И пошел. Вот там мы с этим мужиком и встретились.

– С учителем?

– Точно. – Моряк резко качнул головой, потом нагнулся, поискал что-то в сумке и вытащил еще одну бутылку коньяка.

– Нет, нет, нет... – замахал руками Алексей.

– А чего? – удивился Василий Игоревич. – Дорога длинная. Мы только завтра к вечеру прибудем... Так что отоспаться успеем.

Он уже разливал коньяк по бокалам.

Алексей поморщился.

– Ну, тогда надо перерывчик сделать. Покурим?

– Покурим, – легко согласился попутчик, доставая «Тренд».

Они стояли в трясущемся, холодном, лязгающем тамбуре и молча дымили. Алексей смотрел на пластиковый потолок и вспоминал, как в ракетной части под Читой через вечно открытые ворота зимой вошел медведь-шатун, худой и облезлый, забрел на территорию части, и как его никто не хотел убивать. Хотя даже ракеты со всей их страшной, гиблой начинкой были менее страшны, чем этот несчастный зверь. В конечном итоге медведя спугнули выстрелами в воздух, и тот ушел в тайгу... Алексей очень хорошо запомнил взгляд того зверя. Голодный, решительный и какой-то неустроенный. Медведь оставлял в каждом необъяснимое чувство вины. И даже лейтенант Матвеев, большой любитель охоты и вообще человек безжалостный, отказался стрелять и другим запретил. Медведь ушел, и больше о нем никто не слышал, но впечатление осталось надолго.

«К чему это я вспомнил? – Замутненное коньяком сознание будто бы удивилось вопросу и на всякий случай подкинуло эмоциональный клубок воспоминаний об армии и об этом медведе. – Не дай бог вот таким стать. Без берлоги, без сна, без жратвы. Таким, что тебя даже застрелить некому. Жалко только и страшно».

От этих невеселых мыслей Алексея оторвал собеседник, который продолжал свой рассказ, перекрикивая лязг тамбура:

– Старый был этот японец. Очень старый. Знаешь, мне так показалось, что он вроде помирать собирался или что-то такое. Я очень плохо понимал, если честно. Мы через переводчика. А эти косоглазые, блин, то одну букву пропустят, то другую, как картошечки, честное слово. И главное, ни фиги не могу понять, что ему от меня надо!

– А действительно, – удивился Алексей втягивая горький, жгущий гортань дым. – Чего ему надо было?

– Да я даже и не знаю. Плел он про семена какие-то. Что, мол, дзен – это предельная истина, семя мудрости. Высокопарно так.

– А что это такое, дзен?

– Я тоже спросил. А он типа говорит, свобода от самого себя. Это очень важно, говорит. Важно, чтобы вы передали это.

– Кому?

– Не знаю. Интересный японец был. Ну, может, и тронутый, но запомнилось мне это на всю жизнь. Истина повсюду, говорит, но наши глаза закрыты.

– Так я не понял, а чего ему именно от вас было нужно?

– Это самое интересное, понимаешь. – Попутчик Алексея затушил окурок о стену тамбура. – Я, говорит, прошу тебя выполнить одну мою просьбу. Потому, мол, что сам не могу этого сделать. Мне, говорит, мало осталось на земле, я многое теперь вижу. Ты должен нести

мое слово тому человеку, который значит для людей так же много, как много значат небо и звезды. Очень красиво говорит. Красиво, но запутанно. Уже к старости, наверное, умом подвинулся. И говорит, человек этот не свободен. Так вот передай ему, что наивысшая истина и сила в свободе от себя самого. И если есть у того человека миссия, то пусть он освободится от нее, как от себя.

– Сказки какие-то, – пробормотал Алексей. – Кому передать-то велел?

– Не сказал! – торжественно ответил Василий Игоревич. – Представляешь, дуристика какая. Меня, моремана, позвал, передай, мол, и не сказал кому. Встретишь и передашь. Так у тебя на судьбе написано, а чему быть, того не миновать. Ученики вокруг него суетятся. Торжественный момент. А я стою столбом, как дурак. Ни черта не понимаю. Ну, сказал, что передам, мол. Попрошался и ушел.

– И чего теперь?

– Теперь, – попутчик открыл дверь тамбура и выскользнул в коридор, – теперь пошли коньяк пить.

– Да ладно! – воскликнул Алексей, выскакивая следом. – Давай рассказывай! Так не честно!

Василий только прихохатывал.

– Как я тебя завел-то, а?

– Терпеть не могу таких историй. Придумали все, наверное.

– Если бы придумывал, то уж поумнее сложил. А так все правда.

– Ну а теперь чего?

– Теперь самое интересно. Теперь, – он хлопнул рюмку коньяку, не дожидаясь Алексея, – я всем рассказываю эту дурацкую историю. Знаешь, мало ли, этот японец не врал. Вдруг тот самый человек мне попадется.

– И чего произойдет?

– Бог его знает. Может, произойдет. А может, и нет. Ты пей.

4

Алексей Беляев. 20 лет. Воспоминания

Вокзал принял его серой промозглой хмарью. Моросило, дуло, пробирало до костей. Алексей поежился и, не торопясь, пошел вдоль поезда к зданию вокзала. Не то чтобы ему некуда было торопиться, нет. Домой, к родителям, друзьям, Танюшке, которая в последнее время почему-то перестала писать, хотелось очень, но родной, так давно не виденный город не давал вприпрыжку поскакать до дому.

Беляев неспешно добрал до конца платформы, вдыхая полной грудью сырой, пронзительно холодный, ни с чем не сравнимый питерский воздух. Этого хватило. «Больше никаких остановок», – решил он и метнулся в подземку, люди вырастали прямо под ногами, их приходилось распихивать, толкаться, наступать на чьи-то ноги. Алексея затягивало все глубже и глубже в толпу, из которой он пытался вырваться. Сжимало со всех сторон, кто-то противно дышал в затылок луком и перегаром. Все эти люди, словно нарочно, становились у него на пути, отдаляя возвращение домой. Алексей, задыхаясь в человеческом смраде подземки, рванулся и...

И вот он уже на улице. Надо было ехать поверху. Там, внизу, все было слишком чужое. Удивительно, но раньше Алексей этого как-то не замечал.

Дальше потянулась череда улочек – иногда симпатичных, иногда довольно страшненьких. Улочки сменялись улицами, проспектами. Таких широких, просторных проспектов нет, пожалуй, нигде. Разве что в стольном граде Москве, да и то какие там проспекты? Забитые грязными потоками чадающих машин, суетливыми пешеходами, что бороздят носами землю, будто копеечку потеряли. А здесь простор, свобода!

Леша глубоко вздохнул, остановился на секунду, огляделся по сторонам, рассмеялся. За два года его службы Питер ничуть не изменился, хоть на первый взгляд и показался другим. Нет, ни черта он не другой, тот же самый. Это лишь с виду какому-то постороннему туристу может показаться, что все здесь изменилось, а ему, родившемуся, выросшему среди знаменитых колодцев-дворов и вернувшемуся сюда, ясно как дважды два, что город остался тем же. Пусть не внешне, но по духу. Каким был два года назад, каким был сто, двести лет назад, каким становился в тот день, когда закладывали первый камень, таким и поныне стоит. Как и Москва, как и любой другой крупный город, у которого есть свой характер, своя душа, своя судьба.

За такими мыслями Леша не заметил, как окольными путями добрал до родного дома. Когда он понял, где находится, внутри все съежилось, как в детстве, когда высоко-высоко взлетал на качелях. С непонятной смесью радости и страха Алексей бросился к подъезду. Почему-то возникло желание не звонить в дверь, не ждать, когда откроют, а отпереть своим ключом, войти тихонечко, подойти к маме и сказать: «Здравствуй». Да, именно так. Просто: «Здравствуй, мама» – и все.

Леша радостно, ощущая себя сопливым мальчишкой, подскочил к двери, потянул и только тут заметил черный металлический прямоугольник с встроенным динамиком и дюжиной кнопок. Вот тебе раз! Он ошалело замер. Чего-чего, а домофона на родном подъезде, что всегда был нараспашку, еще с коммунистических времен, увидеть не ожидал. Факт существования кодового замка настолько выбил его из колеи, что Алексей так и остался стоять, вперив бараний взгляд в неприступную черную панельку.

Тогда он даже не догадывался, что этот замок – первое и самое примитивное препятствие, вставшее на пути его возвращения к нормальной гражданской жизни.

Стоять пришлось недолго. Через каких-то пятнадцать минут у подъезда показались люди. Молодая пара с коляской. Лешка приготовился проскочить в родной подъезд, когда парень,

что готов уже был вставить магнитный ключ и распахнуть дверь с замком «сезамового» типа, задержал руку и как-то косо посмотрел на Беляева. Алексей ответил стальным взглядом, внутренне готовясь к тому, что сейчас придется оправдываться, вон как подозрительно на него этот с коляской зыркает. Но оправдываться не пришлось. Подозрительный взгляд парня сменился удивленнорастерянным.

– Леша? – промямлил он и добавил с радостной уверенностью: – Леха, сукин ты сын, откуда тебя черти принесли?

Теперь, когда подозрительный незнакомец заговорил, Беляев признал в нем Толика. Сосед и приятель, с которым вместе выпили не один десяток литров пива и совратили не один десяток девиц.

– Толька! – вместо ответа, набросился на приятеля Алексей. – Ты зачем бороду отрастил, тебя не узнать!

– А, сама выросла, – отмахнулся Толик.

– А постригся зачем? Такой хаер клевый был!

– Да ну его, с бородой как-то плохо монтировался, да и несолидно. Я ведь женился, вот знакомься. – Толик кивнул на стоявшую рядом девушку с коляской, которая восторгов мужа явно не разделяла. – Это Мила, это Леша Беляев, мой старинный дружище из триста сороковой квартиры.

– Очень приятно, – расшаркался Алексей.

Девушка молча кивнула, сохраняя на лице весьма недовольное выражение. Толик открыл-таки наконец дверь и стал суетливо затаскивать в подъезд коляску. Алексей оттеснил соседскую супругу, помог поднять коляску по лестнице к лифту. Уже в кабинке грузового, когда закрылись двери и утробно загудело то, что таскает лифт вверх-вниз по шахте, кивнул на спящего ребенка:

– Ты, значит, теперь счастливый папаша.

– Ну, так, – заулыбался Толик. – А ты-то как? Рассказывай.

– Я-то?

Лифт вздрогнул. Леша снова дернулся помочь с коляской, но Толик на сей раз справился сам.

– Заходи вечером, расскажу много интересного и не очень. Да и тебя послушаю. Сто лет тебя не видел.

Прощаясь с Толиком, Леша неожиданно для себя почувствовал опустошенность. Будто из его жизни пропали годы, впустую ушли куда-то, и их уже больше не вернуть. За это время другие люди женились, отрастили бороду и даже обзавелись детьми. Что-то неуловимое появилось в их лицах, что-то новое, а Беляев так и остался тем самым пареньком, застопорившимся где-то на этапе с условным названием «после школы».

Голова была тяжелой, мысли квелыми, а может, и вообще отсутствовали. Похмелье было тяжким настолько, насколько могло быть после недельной гулянки. Будто кто-то решил учинить расплату за все грехи не успевавшему даже протрезветь или хоть чуть проспаться организму.

Алексей попытался сосредоточиться, хоть чуть восстановить в памяти события последней недели. Получалось с трудом и в самых общих чертах.

Вот мама, что сверлила дверь глазами, когда он справился с замком и вошел в выпавшую из жизни на два года квартиру. Сакраментальное: «Здравствуй, мама» – это уже захлопывая за собой дверь. Мама расплакалась.

Отец. Он пришел позже, работал. Когда увидел сына, молча крепко обнял, хлопнул как-то неуклюже по спине и пошел на кухню доставать из шкафчика чекушку.

Некстати вспомнилась Танюшка, отозвалась в душе болезненным отголоском.

- Танюха, я вернулся, заходи! – весело в трубку.
- Леша, – несколько растерянное. – Мы через полчаса зайдём.
- Кто это мы? – Все еще веселый, не понимающий.
- Я и Женя, мой муж...

Муж! Вот так вот. Общество бывшей невесты и ее мужа выдержал стоически, хоть и возникло желание надраться. Впрочем, он и надрался, не то заливая тоску, не то радуясь, что вернулся из армии.

Потом Толик. Сперва веселый, с женой, что через слово напоминает ему закусывать. Затем жена становится недовольной, нервной. Толька еще пошутил как-то неудачно, что Мила в таком настроении выглядит отнюдь не мило. Та развернулась и ушла. Потом пришел еще кто-то, потом все разошлись. Остался только в хлам пьяный Толик, сетующий на тяжкие отношения с женой, которая даже выпить по-человечески не дает.

Наутро помятый Толик извинился и тоскливо поплелся замаливать грехи перед разъяренной супругой. А Беляев остался пьянствовать с еще одним давним знакомым. Откуда он взялся, этот знакомый? Как ни тужился Леха, а припомнить так и не смог. Потом...

Потом все повторялось снова и снова. Приходили, уходили и неизменно опрокидывали стаканы.

Эйфория прошла тогда, когда Алексей умудрился проспять чуть дольше, чем в последние дни. Видимо, этого «чуть дольше» хватило на то, чтобы сдвинуть несчастный организм с той грани, которая пролегает между опьянением и похмельем. Похмелье выдалось жесточайшим, это Леша понял, когда попытался подняться с дивана. Не вышло.

- Мам! – позвал Беляев слабым голосом. – Мамочка!

На скорбный глас явилась мать. Вид она имела сильно недовольный, а на сына смотрела с некоторым раздражением.

- Утро доброе, – поздоровалась с сыном.

– Какое доброе, – тоскливо возразил Алексей. – Я, пожалуй, сегодня еще дома посижу. У нас пива не осталось? А кефирчику нет?

- Нет. Но рядом есть магазин, и он уже открылся.
- Ты не сходишь? – Беляев с мольбой посмотрел на мать.
- Не схожу, – согласилась та. – Сходишь ты. А на обратном пути зайдешь в Сберкассу за квартиру заплатишь.

Алексей аж привстал:

- Издеваешься? Да я подыхаю.

– Ничего, не смертельно. Потом, когда вернешься, попьешь кефирчику и за уборку, а твои гости тут подна... поднапачкали малость. В общем, трудотерапия тебя ожидает. Полный курс. Вперед.

Леша с трудом оторвался от дивана, по горлу вверх покотился неприятный ком, видимо, вчерашняя закуска. Беляев подавил тошноту и поплелся в туалет.

Пиво прохладным живительным потоком потекло по пищеводу, смывая в желудок все то, что мешало жить с утра, старательно устремляясь наружу. В магазинчике Алексей побывал, в Сберкассе, что совсем не изменилась – разве только вывеска теперь гласит «Сбербанк России» да двери тяжелые зеленого цвета с видеокамерой над входом, а народу по-прежнему тьма-тьмуцкая, – отстоял огромную очередь. Теперь он шел домой.

Правда, похмелье уже отпустило, да и погода шикарная, так что домой особенно не тянуло. Немного поразмыслив, Алексей дошел до остановки и сел в автобус. Сесть не дали. Странное существо в потертой бейсболке с мотком бумажной ленты потребовало плату за проезд, и пришлось раскошелиться. Взамен чисто символической «платы» Алексей получил чисто

символический «билет», а точнее, три билета, потому как цена на каждом куске ленты, что являл собой талон, соответствовала лишь трети «платы».

«Абсурдная жизнь, – подумал Леша, вспоминая какую-то персону из пьяных друзей, уныло повторяющую одно и то же. – Абсурдная жизнь».

Выходить надо было лишь через три остановки, а потому Алексей от нечего делать занялся подсчетами. Итог оказался неутешительным. Копейки, заплаченные за билет, помноженные на два – ведь ехать туда и обратно – и потом еще на двадцать два – ведь в месяце именно столько рабочих дней – это как минимум и не считая выходных – сложились в довольно ощутимую сумму. Леша поскреб затылок, пересчитал, прикинул: «М-да, на работу выгоднее ходить пешком».

За никчемными подсчетами копеек на транспорт, на пиво, на развлечения дорога прошла незаметно.

Автобус остановился в четвертый раз, и Алексей с облегчением пошел на выход. До родного института рукой подать – всего каких-то двести метров.

Дверь поддалась с третьего раза. Чертов замок! Зато, закрывая ее, Алексей оторвался по полной – так хлопнула, разве что штукатурка с потолка и стен не посыпалась.

– Мать! – рявкнул он на всю квартиру. – Сумку забери!

Мама вышла с кухни, утирая мокрые руки не особенно сухим передником, приняла сумку, окинула сына оценивающим взглядом:

– Пил?

– Пиво, – нехотя отозвался Алексей.

– Значит, похмелья уже, по идее, быть не должно. Чего смурной такой?

Леша повесил куртку на гнутый крючок старой вешалки, скинул ботинки и влез в потрепанные тапки.

– На работе побывал, – сказал, как сплюнул.

– Ну и? Давно пора было. Или ты думаешь...

– Меня уволили! – оборвал поток словоизвержения Алексей.

Мать на секунду опешила, но тут же взяла себя в руки:

– Почему?

– Сокращение, говорят, – пожал плечами Беляев, тут же взорвался: – Какое к дьяволу сокращение?! Свистят они все! Просто брать меня обратно не хотят.

– Почему? К тебе же там так хорошо относились. Ценили. – Мать тронула его за плечо, но Алексей нервно отдернул руку.

– Относились, ценили, – передразнил он. – А теперь все. Прошла любовь, завяли помидоры.

– Леша...

– Что «Леша»? Я уже два десятка лет как Леша, что теперь праздник с фейерверком устроить?

Алексей бессильно плюхнулся на табурет, что стоял под вешалкой всегда, сколько он себя помнил. Мать присела рядом.

– И что, ничего нельзя сделать? – спросила тихо.

– Почему нельзя? Можно. Очень даже можно. Мне этот хрен...

– Леша!

– Мне этот хрен, начотдела, так и сказал. – Беляев скорчил противную рожу и процитировал нудным, скучным голосом: – «Нам жаль терять такого хорошего сотрудника, но, к сожалению... Правда, есть вакансии».

– Какие вакансии? – оживилась мать.

– Лифтера, уборщицы и замначальника отдела, – хмуро бросил Леша. – Только заместитель начальника мне не светит, а лифтером... гм... хм...

– А чем лифтер плох? – спокойно поинтересовалась мать. – Лифтерам тоже деньги платят.

– Мама! Я – программист!!! – простонал Алексей с надрывом.

– Ты не понимаешь...

– Нет, это ты не понимаешь, – попытался Алексей, но был прерван.

– Нет, это ты не понимаешь! – настояла мать. – Ты программист? Ха! Ты был программистом, а теперь ты никто. Демобилизованный без образования.

– Дембель со средним образованием и хорошей коркой с хороших компьютерных курсов, – зло поправил Алексей.

– Средним образованием сейчас никого не удивишь, время не то. А компьютерные курсы... Вот именно, что с коркой. Твоя корка тебе там, в армии, помогла. А теперь она не нужна никому, можешь ее выкинуть. У меня знаешь сколько корок?

– Ты...

– Я инженер. Но в отличие от тебя я отдаю себе отчет, что я бывший инженер. Наука не стоит на месте. У меня корок о повышении квалификации больше, чем у тебя набралось за всю жизнь, начиная от свидетельства о рождении и кончая ксерокопией с аттестата. Толку от них? Если, когда я увольнялась из своего РТИ, там о ПК никто слухом не слыхивал, а сейчас со всех сторон одни IBM PC и прочие словеса непонятные. Твой Кубейсик – вчерашний день. А ты живи сегодняшним. Все, что ты знал, – утеряно или пережито. Ты не программист, ты в лучшем случае хороший пользователь. Хотя уже и на него вряд ли потянешь.

– Этот хрен...

– Леша!

– Этот гребаный начотдела то же самое трюндел. Но я же... вы же... Ни хрена вы...

– Алексей!

– Да, Алексей! Ни хрена, я говорю, вы не понимаете. Я программист. Программист! А не лифтер-полотер.

В глубине души он понимал, что мать права и надо браться за то, что дают, но какое-то незнакомое доселе чувство руководило им. На мгновение он поймал себя на том, что получает удовольствие от собственного униженного положения. Чем-то это все напоминало глупый мексиканский сериал с натужными страстями и вымученными проблемами.

– Ты сопливый дурак! – отрезала мать. – И не смей со мной говорить в подобном тоне.

– Это ты не смей говорить со мной в подобном тоне. Я через такое прошел, что вы себе и представить не можете, и если у тебя после этого язык поворачивается называть меня...

Мелькнула мысль: «Что я несу?»

Из нелепого положения его спас отец, вернувшийся с работы.

– Что за шум? – спросил он, появляясь в дверях. – Драки нет?

– Сейчас будет, – плотоядно пообещал Беляев.

«Не то, не то, не то... Это, конечно, занятно, выглядит заманчиво, но... Нет, на такие штуки уже ловился – не хорошая работа, а бесплатный сыр в мышеловке». – Леша безразлично откинул газету. Пятую неделю он пытался найти работу, и пятую неделю попытки не увенчались успехом.

Беляев откинулся на спинку дивана, хотел было закурить, но вовремя вспомнил, что мать, мать ее так, на дух не переносила табак. Мать. При одном упоминании перед глазами встал некий закрепившийся уже образ, вот она приходит с недовольной миной и пилит, пилит, пилит... Наезды на тему его безработного состояния сидели у Алексея в печенках, будто он

виноват в том, что не может найти работу. Хоть уборщицей или грузчиком устраивайся, в самом деле.

«Позвонить, что ль, кому, денег занять? Нет уж, хватит. Когда звонил по приятелям на тему выпить за его возвращение, так все прискакали в один момент. Когда начал звонить в поисках работы, наткнулся на кучу смущения и сто одну причину. Сволочи! – Леша нервно вскочил и заходил по комнате. – Могли бы и не оправдываться!» Он терпеть не мог, когда начинают оправдываться. И хотя друзья об этом знать не могли, все равно их оправдания вызывали только раздражение и отвращение. Алексей грубил, ругался, так что теперь звонить и просить в долг хрен знает на сколько было уже никак не возможно.

Хотя...

Рука сама потянулась к телефону.

– Алло, – приятный женский голос.

– Добрый день, – поздоровался Алексей. – А Анатолия можно попросить?

На том конце трубки зашуршало, послышалось «Толь!», затем снова что-то зашевелилось, и трубка ожила:

– Алло.

– Толя, это я, привет.

– А-а-а, Беляев. Здорово! – обрадовался Толик.

– Толя, – начал Алексей. – У тебя пары сотен займа не найдется?

– Чего? – после некоторой паузы переспросил Толя.

– Пару сотен, говорю, не одолжишь?

– Погоди, – попросил Толик и пропал. То есть это ему, наверное, показалось, что пропал.

На самом же деле Леша слышал через зажатую на том конце ладонью трубку короткую перепалку между Толи-ком и его супругой.

Перебранка длилась не долго. Меньше чем через минуту Анатолий вернулся:

– Извиняй, старик, но у меня сейчас с бюджетом напряги...

Леша почувствовал, как внутри его что-то с громким треском рушится.

– ...в общем, напряг, – донеслось из трубки. – Алло, ты меня слышишь?

– Слышу, – спокойно откликнулся Алексей. – Ну и хрен с ним, не напрягайся.

– Ты только не подумай, что я жмусь, мне не жалко, просто...

– Ничего страшного, – повторил Леша. – Бывай.

– Ты точно не обиделся? – донеслось из динамика.

– Точно. Пока.

Леша попытался повесить трубку.

– Но ты звони.

– Куда я денусь.

– Ты точно не обиделся? – еще раз переспросил Толик.

– Точно.

– Ну, бывай.

– Счастливо.

– Пока, – донеслось из уже почти повешенной трубки.

«И этот оправдываться начал», – сделал для себя неутешительный вывод Беляев.

Почему-то ему стало совсем тошно и возникло желание выпить. Именно так, грубо, с соплями и похмельным тремором. Свистнуть хоть кого-нибудь и нажраться в лоскуты.

Леша потянулся за записной книжкой.

Этому звонил, этот тоже с ним уже пьянствовал, а потом оправдывался. Этот... Это Толик, хрен собачий. Это тоже не то, а вот...

Алексей, придерживая пальцем страничку в записной книжке, принялся накручивать номер. Наконец в телефоне шелкнуло и пошли короткие гудки. Занято.

Ну и хрен с ним. Следующий.

Беляев снова принялся перелистывать страницы дальше. Ему было наплевать кто, лишь бы компания была обязательно из старых, хотя новых знакомых у него и так не было. После очередного номера вместо коротких гудков в трубке повисли длинные.

«Моб твою ять, хоть кто-то сегодня дома окажется?! – Леша в который раз перелистнул страницу. – Во, то, что надо. Давно не виделись и... И вообще».

Беляев повертел диск, дождался окончания набора номера.

– Алло, – бесцветным женским голосом откликнулась трубка.

– Алло, добрый день, а Игоря можно? – заторопился Алексей.

Трубка промолчала, будто голос в ней уснул или отлучился по каким-то своим делам. Лишь какой-то невнятный полусвук-полуотголосок звука послышался Леше.

– Вы меня слышите? – напомнил он о своем существовании.

– Да. – Голос теперь звучал как-то сдавленно.

– Попросите, пожалуйста, Игоря.

– А Игоряши нет...

У Алексея возникло ощущение, что женщина на том конце провода хотела еще что-то добавить, но в трубке снова установилась мертвая тишина.

– Алло. – Алексей дунул на всякий случай в трубку. – Будьте добры, передайте Игорю, что ему звонил Леша Беляев. Мы с ним вместе...

– Игоряши нет, – проронил голос. – И не будет больше. Он ушел.

– А вы не подскажите, где его можно найти? – попытался Леша, но собеседница вдруг заговорила быстро-быстро, часто всхлипывая, не слыша Алексея:

– Он сам так захотел. Он упал неудачно... Врачи пытались, но... Записку оставил, никого не винить, мол... А эти в больнице сказали, что неудачно упал, вот если б... А как? Как можно упасть удачно с девятого этажа? Хотя если б удачно, то, наверное, сразу бы умер. А так... Правда, в сознание так и не пришел...

– Простите. – Алексей сам не услышал собственного голоса.

– Господи! – Голос сорвался на истерику. – Когда ж это все кончится? Сколько ж можно звонить?! Нету его! Уж три месяца как нету! А они все названивают... Нету его... Нету Игоречка... Ну зачем?.. Зачем? И зачем вы все трезвоните, чего хотите? Когда ж это проклятие закончится, наконец?.. Игорюша, зачем?.. Почему...

– Простите, – чуть громче повторил Алексей и повесил трубку.

На душе было гадко.

Игорю было двадцать, может, двадцать один, они с Алексеем учились в одном классе, стало быть, одноклассники.

«Она говорила, что он три месяца как... – через туман припомнил Беляев. – А ведь он в августе родился. Значит, он и до двадцати одного не дожил. Интересно, кто она, мать? Боже, в голове не укладывается. Игорь эдакий тихий, интеллигентный еврейчик. Иногда занятный, чаще занудный. В принципе умел посмеяться, да только глаза всегда грустными оставались».

Именно глаза вспомнились сейчас Алексею. Почему вдруг? Лицо стерлось, некоторые черты активно не желали всплывать в памяти, оседая там расплывчатыми пятнами, и лишь глаза. Грустные и все понимающие, как у коровы, что ведут на бойню. Только умнее.

Значит, в окно с десятого этажа. Или девятого? Какой этаж она назвала? На каком этаже живет... жил Игорь? На девятом? Или все-таки на десятом? И все эти этажи пролетел.

Алексей представил себе «неудачно упавшего» Игоря. Почему-то воображение нарисовало двор, погрязший в сумерках, шербатовый асфальт и тело парня. Парень лежал на животе, спиной вверх. Правая нога оказалась подвернута под каким-то немислимым, неестественным углом, руки разметались, лица не видно. Почему-то именно так. Ни лица, ни глаз, если кому-то и доступно было лицо это, то только выщерблимам на асфальте. И почему-то он не дышал.

То есть понятно почему, мертвый был потому что... Но ведь он же не сразу умер, его ж еще до больницы довели. А вот Леше представился именно мертвым уже.

Беляев тряхнул головой, отгоня навязчивую картинку, к которой разыгравшееся воображение щедро дорисовывало все новые и новые детали. Записная книжка полетела в сторону, перелетела через стол и приземлилась с той стороны на паркет. Алексей чертыхнулся, но поднимать не стал. Звонить больше никому не хотелось.

Обхватив голову руками, он вперил взгляд в старый дисковый телефонный аппарат. «И чего предки новый не купят, все говно это берегут, – зажмурившись, подумал он. – По нему давно помойка плачет, но как же выкинуть, когда он „еще хорошо работает“».

Эта мысль настолько разозлила его, что рука сама потянулась за аппаратом, пальцы с силой сжали ненавистную черную коробочку. Рывок, лопнувший провод – штепсель так и остался в розетке, грохот. Запущенный в стену телефон разлетелся на мелкие пластмассовые осколки, вывернув наизнанку свои неказистые внутренности.

Через несколько секунд распахнулась дверь и на пороге появилась мать. На ее лице читалось волнение, чуть ли не испуг.

– Что случилось? – спросила, взгляд ее метнулся по комнате, остановился на останках телефона.

– Ничего, – прокомментировал Алексей.

– А телефон при чем? – возмутилась мать.

– Новый куплю, – мрачно произнес Леша.

– «Новый», – передразнила мать, волнение уступило место раздражению. – Без работы сидит, а туда же – «новый». Ни копейки в дом не принес, только потребляешь, так еще и вещи портишь.

– Попрекаешь. – Алексей почувствовал, как раздражение передается ему самому.

– Я никогда не попрекала деньгами, но...

– Попрекаешь! – зло констатировал Алексей.

– Перестань на меня орать! Я пока еще мать, а ты у меня на шее уселся. Так хоть не руби сук, на котором сидишь. Если уж для тебя ничего святого не осталось, то хоть с меркантильной точки зрения на это посмотри.

– Я не рублю сук и не ору. – Леша устало провел ладонью по лицу. – И перестань разговаривать со мной в таком тоне, тем более упрекать. Если так и дальше будет продолжаться, развернусь и уйду.

– Пугать меня вздумал?

– Уваливай! – рявкнул появившийся в дверях отец. – Напугал ежа. Только учти, здесь не гостиница: уйдешь – возврата не будет.

Они еще что-то кричали. Алексей уже плохо слышал и не особенно понимал. Он уткнулся лицом в подставленные ладони и сидел так, ни о чем не думая. Когда поток обличительных речей иссяк, Леша встал и посмотрел на родителей.

«Не понимают и не поймут», – метнулось в голове.

– Все? – ровным тоном спросил Алексей.

Ответа не последовало. Мать надулась, сложив руки на груди, а по лицу отца ходили желваки. Не чувствуя под ногами пола, Беляев направился к двери. В коридоре его догнал отец, дернул за плечо. Алексея развернуло, в лицо бросилось злое:

– Куда?

– На х...! – дернул плечом так, что треснула тонкая ткань рубашки, и, хлопнув дверью, побежал вниз по лестнице.

* * *

«А в самом деле, куда идти? – В голове Алексея ворочались мрачные, неторопливые мысли. – Работы нет и, кажется, в ближайшем будущем не предвидится. Дома теперь тоже нет».

В этой глухой неопределенности было ясно только одно: к родителям он не вернется, а своего жилья нету. Друзья?.. Люди, которые заночевать пустят наверняка, но только до утра. Потом снова задачка из жизненного учебника с вопросом: «Что дальше?» Как выглядит двадцатилетний оболтус, который заваливается к своему бывшему однокласснику со словами: «Я к вам пришел навеки поселиться»? А у того комната в коммуналке да бабулька пронафталиненная.

«Ну да. – Беляев вспомнил Диньку Молдавского. – У других, может, и по-другому, но к малознакомым и просто приятелям так и вовсе не завалишься».

Алексей вспомнил вежливо промямленный отказ Толика и понял, что к другим своим приятелям ему тоже дорога заказана.

На улице вдруг сделалось холодно. Перед глазами мелькнула тайга, чернеющая за проемом украденных ворот, и облезлая, злая фигура на четырех когтистых лапах.

«Н-да, Бомж Иваныч, некуда тебе теперь топать, хотя... – Алексей остановился. – Как я сразу про него не вспомнил. Виталик Яловегин».

На самом деле Леша его никогда не любил, но знал, что этот примет и, возможно с работой поможет. Виталька всегда считался «оборотистым», он первым сообразил с фарцовкой, первым завел себе клевые шмотки, вертелся, крутился...

Вспомнить номер телефона, конечно, было никак невозможно. Записная книжка осталась там, где Беляев ее бросил, – в квартире с разбитым телефоном и разъяренными родителями.

«Хрен с ним! – Алексей помнил адрес. Не почтовый, а так, визуально. – Доберусь как-нибудь!»

Он живо добежал до ближайшего метро, нырнул под землю и уже через полчаса был на проспекте Ветеранов.

Дверь не поддавалась, не открылась ни на звонки, ни на продолжительную долбежку кулаками. Осталось только сесть на ступеньки и ждать. Яловегин должен был появиться рано или поздно.

«Лучше, конечно, рано, но будем надеяться, что это произойдет сегодня, а не через неделю», – подумал Алексей, поплотнее заворачиваясь в куртку.

Мысль о том, что Виталик, возможно, переехал на другую квартиру, не пришла Беляеву в голову.

Уже смеркалось, когда задремавшего было Алексея окликнул удивленный голос:

– Ешкин кот! Бляев, ты откуда здесь?

– Шел мимо, дай, думаю, загляну. – Леша поднялся, разминая изрядно затекшие ноги. – Ты мо-гешь субъекта без особого места жительства и занятий приютить на неопределенное время?

Яловегин хитро сощурился:

– Это тебя, что ли? А чего это ты в бомжи записался?

– Так получилось, – потупился Алексей.

– Понятно, не хочешь – не говори, твое дело. Посторонись-ка.

Беляев сделал шаг в сторону, Виталик прошел мимо, ковырнул ключом замочную скважину. Дверь распахнулась, с видом радушного хозяина Яловегин отступил в сторону, простер руку в приглашающем жесте:

– Проходи.

– Значит, работы у тебя тоже нет? – не то спросил, не то констатировал Виталик.

Хоть пить Алексею и не хотелось, а пришлось. Вторая бутылка водки подходила к своему завершению, наверное, именно поэтому Виталий спрашивал Беяева о работе уже третий раз кряду.

– Не-а, – отозвался Алексей. – Турнули меня из родной конторы. Говорят, под сокращение попал. Может, и так, а может, и свистят, что тоже неудивительно. Это уходил я хорошим программистом, а вернулся средненьким пользователем. Что знал, забыл, да и компьютерное дело на месте не стоит. Кому сейчас нужны всякие бейсики и прочая хрень. То-то. А я только и занимался два года тем, что программы специализированные настраивал да на кнопки нажимал.

– Говорил тебе, нефига в рядах нашей могучей, никем не победимой делать, – невпопад сообщил Виталик.

– Как будто меня кто спрашивал, – фыркнул Алексей. – В институт провалился, денег на откуп от этой самой советской армии у меня не было.

– А у предков? – Хозяин потянулся за бутылкой и разлил остатки водки по стаканам.

– И у родителей. – Леша поднял стакан, ритуально звякнуло.

– Чтоб было, – сдобрил водку нехитрым тостом Виталий.

Выпили. Беяев закусил черствой черной горбушкой, Яловегин занюхнул рукавом домашнего халата.

– А даже если б и были, – продолжил мысль Алексей. – Я б у них не взял.

– Это ты сейчас так говоришь, – махнул рукой Виталик.

– Пошел ты на хрен, – беззлобно ругнулся Беяев. – Ты там не был, так что и не тебе судить.

– Я зато в других занятных местах был, – пьяно усмехнулся Яловегин. – Да и что ты там в тайге видел такого, чего я не могу себе представить? Не Афган же...

– Это где ж ты был? – поинтересовался Алексей, проигнорировав слова Виталика про армию.

– В веселых местах, как-нить в другой раз расскажу. Ладно, найдется у меня для тебя работенка. Правда, денег много не обещаю, но на жизнь хватит. Даже, может, и останется еще чего, если не с особо широким размахом жить будешь.

– Спасибо. – Лешка потянулся к стакану, но тот оказался пуст, равно как и бутылка.

– Еще за одной? – усмехнулся, глядя на него, Виталик.

– А магазин работает?

– В двух дворах отсюда круглосуточный. Идем?

– Идем.

На улице было свежо, особенно после душевной прокуренной кухни. Алексей поежился. Виталик пихнул его в спину:

– Ну, чё застыл? Идем.

– Идем, – эхом откликнулся Беяев.

Детская площадка размокла и хлопала под ногами грязной жижей, сверху сыпалась какая-то морось, что и дождем-то не назовешь. Было темно, на всю улицу только один горящий фонарь, и тот очень странный: то горит, то погаснет, то снова зажжется.

Магазин светился яркой вывеской и был виден издалека. Виталика тут, видно, знали не первый день, потому как стоявший за прилавком парень, увидав его, заулыбался, сообщил угодливо:

– Добрый вечер. Как обычно?

– Какой вечер, – с пьяной ухмылкой отозвался Виталик. – Ночь на дворе. Дай-ка нам водочки хорошенькой и чего-нибудь закусить.

– «Чего-нибудь закусить» – это чего? – спросил продавец, доставая из-под прилавка бутылку с белокрасной этикеткой и какой-то сорокаградусной надписью на ней.

– Ну, не знаю, чего-нить соленьенького. Ты, Бляев, как насчет соленьенького?

– По барабану, – отмахнулся Леша. – Ты на запивку чего-нибудь возьми, соку или водички.

– Чё дурак? – удивился Яловегин. – Водку закусывать надо, а не запивать.

– А я запивать хочу, – упрямо, чуть не по слогам проговорил Леха.

– Хозяин-барин, – пожал плечами Яловегин и снова повернулся к прилавку: – Значит так, тогда еще пакет сока томатного и чего-нибудь соленьенькое.

– Чего соленьенькое? – вяло поинтересовался продавец, выставляя пакет сока на прилавок рядом с водкой.

– А чего есть?

– Рыба белая, красная, селедка, вобла, огурцы, грибочки, – монотонно забубнил парень. – Чего надо-то?

– К водке? – спросил ни к кому не обращаясь Виталик. – К водке сам бог велел огурцов взять. Ну и селедку давай.

Парень пробежался вдоль прилавков, заученными движениями хватанул с витрины несколько банок и вернулся к клиентам, натарабанил что-то магическое на кассовом аппарате.

– Все?

– А что нам еще надо? – глупо улыбаясь поинтересовался Яловегин.

– А я почему знаю? – Кажется, терпение парня начинало подходить к концу.

– Все, все, – поторопился вмешаться Алексей.

Продавец сунул бутылку, пакет и банки в мешочек с надписью «спасибо за покупку», бросил туда же чек и назвал сумму. Виталик непослушными пальцами выудил из кармана весьма увесистую пачку сотенных бумажек, расплатился. Небрежно сунул не особо уменьшившуюся пачку обратно в карман, получил сдачу, ткнул в другой карман уже совсем не глядя. Кивнул вместо благодарности и попер на выход.

Леша поплелся следом, не обратив внимания на то, что за ними споро двинулись два мужика потасканного вида, стоявшие у соседнего прилавка.

Мужики догнали их в проходе между домами, на входе в ближайший двор. Еще один выскочил откуда-то спереди и сразу кинулся наперерез.

– Ребят, закурить есть? – спросил тот, что пер навстречу.

– Нет, – довольно грубо отозвался Яловегин.

– А как проверю?

– Попробуй, – с угрозой вмешался Леша.

– Найду – мое?

– Посмотрим, – туманно заметил Бляев.

Сзади послышались шаги, кто-то толкнул в спину. Алексей не удержался на ногах – сказала выпитая водка – и кувырнулся вперед, ободрав о нехстати подвернувшийся бордюрный камень скулу. Перевернувшись, он приподнялся и замер. От представшей картины Бляеву захотелось быстро протрезветь. Виталик стоял в трех шагах от потасканных мужиков и Алексея, пьяно покачиваясь. В руке у Яло-вегина был зажат пистолет довольно внушительных размеров.

– Ты на кого кефиром дышишь, ботва зеленая? – прорычал заплетающимся голосом Виталик.

Мужик, на которого смотрел пистолет, дернулся было в сторону, но передумал.

– Пушку убери, – довольно уверенно начал он, но голос сорвался на фальцет. – Мы и сами тут не просто так. Градецкого знаешь?

– Это Герку-то? – усмехнулся Виталик.

– Германа Петровича, – поправил мужик.

– Герман Петрович сосет, – сообщил Яловегин. – Ты Рича знаешь?

Мужик заметно поскущел. И через небольшую паузу пробормотал, затравленно озираясь:

– Извините, ребят, ошибка вышла.

– Это верно, – кивнул Виталик, убирая пистолет. – Брысь, фуфло.

Мужики попятились, растворились в темноте. Будто и не было их. Яловегин, все еще покачиваясь – трезветь он, видно, и не собирался, – подошел к Алексею и протянул руку. Тот отмахнулся, поднялся сам. Спросил, отряхиваясь:

– Виталь, ты где работаешь?

– Торгую помаленьку, – отмахнулся Яловегин. – Бизнес и прочая фигня. Пошли быстрее, а то водка скиснет. Ты только не говори никому.

– Чего не говорить? То есть да, конечно. Не скажу.

– Не, ты не понял. Ты не говори, что я их отпустил.

– В смысле?

– Ну, закон знаешь? Достал пистолет – стреляй. А я разговоры разговаривал. Расслабился я, понимаешь...

5

Алексей Беляев. 20 лет. Воспоминания

Утро было противным.

«Вечером трудного дня и утром приятного вечера, – подумал Алексей, приподнимаясь и с трудом припоминая вечерние подробности. – Хотя вчера вечер был не ахти».

Вспомнился Яловегин, пьянка, поход за догоном, уличная шпана. А до того...

А до того все было как в тумане. Почему-то теперь Беляеву начало казаться, что вся эта кутерьма с друзьями, которых смело можно было взять в кавычки, родителями, любимой, что обещала дожидаться, – все это было не с ним. А если и с ним, то так давно, что успело переболеть, перегореть и остаться рваными клочками в плохо проветренной памяти.

«Да, теперь есть жизнь. Моя жизнь, которой надо как-то распорядиться. – Вопрос «как?» выглядел нелепо. – Неизвестно пока, ну и хрен с ним».

– Для начала что мы имеем? – пробормотал Алексей себе под нос.

Встав с раскладушки, Беляев натянул брошенные рядом штаны и рубаху и пополз в сторону санузла. Совмещенные туалет с ванной никогда ему не нравились, но сейчас почему-то такое совмещение показалось ему удобным, и Леша даже ощутил некоторую прелесть от подобного изобретения.

Вода из крана текла ржавая, но Алексей не обратил на это никакого внимания. Он с удовольствием умывался, громко фыркая, потом решил, что целесообразнее будет подставить под струю всю башку, нежели омыwać ее части.

Из ванны он вышел мокрый и довольный.

– Виталь! – позвал в голос, но никто не ответил. – Виталик! Ау!

Беляев походил по комнатам; осознав, что находится в квартире один, он отправился с этим знанием на кухню. Здесь все было как и вчера, только посреди стола торчала бутылка пива, из-под которой выглядывала бумажка. Алексей потянул сложенный вдвое лист, на верхней его части крупными буквами было написано:

«ЗАВТРАКАТЬ БУДЕШЬ?»

И подрисованная рожица, что с жадностью косилась на пивную бутылку.

Алексей развернул лист. Здесь послание было значительно объемнее и серьезнее:

«Беляев!

Если тебе все еще нужна работа, то к часу дня подъезжай к Адмиралтейству. Там у фонтана тебя будет ждать человек. Он тебя узнает сам, просто стой у фонтана и жди. Он подойдет, спросит, от кого ты. Скажешь, что от Витаса. Получишь от него пакет и адрес. Отнесешь пакет по адресу, возьмешь там другой пакет. Этот другой принесешь мне. Вечером увидимся.

Да, ключи от квартиры в прихожей на полочке, там же кое-какие деньги. Если все сделаешь, как я сказал, можешь считать их своей зарплатой».

Леша еще раз перечитал записку, сложил ее и сунул в карман. Затем, подобрав огрызок бумаги и карандаш, начирикал:

«ЗАВТРАКАТЬ БУДЕМ В УЖИН!»

Подсунул импровизированную записку под бутылку и пошел в прихожую. Ключи он нашел сразу, деньги тоже и, пересчитав, присвистнул. Для кого-то, может, это и не деньги, но для него, тем более сейчас, в конверте лежала очень приличная сумма.

«Это кстати», – подумал Алексей и весело подмигнул зеркалу на стене.

Обувшись, Беляев покопался с замком, вышел, запер дверь и весело поскакал вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки.

– Кажется, жизнь налаживается, – громко заявил он на всю лестничную клетку.

Мощные потоки воды под огромным напором взлетали к небу, но, так и не достигнув заветного голубого купола, обрушивались вниз, разбрызгивая вокруг озорные блики солнца. Играла классическая музыка. Почему-то Алексею показалось, что это был Моцарт. Будто щелкнул в голове переключатель, и выплыло на поверхность основательно забытое знание из школьных уроков пения. Это произошло неожиданно для самого Беляева, потому что в классической музыке он не разбирался, впрочем, как и в популярной. Вся музыкальная культура странным образом прошла мимо него. Беляев смотрел, как неуклюжий фонтан пытается ударить струями небо, будто стараясь попасть в такт музыке. Получалось слабо, но в общем и целом шелест воды и довольно паршивая запись классики создавали приятное впечатление. Хотелось думать о чем-то возвышенном, но в голову лезли только сиюминутные проблемы.

– Простите, бога ради, – раздался бархатный голос из-за спины. – Вы от Витаса?

Алексей обернулся. Прямо перед ним стоял молодой человек в черных джинсах и непонятно-темного цвета спортивной куртке. Леша отметил серьезное, самое обычное, ничем не приметное лицо и непослушные вихры, которые кто-то тщетно пытался зачесать назад.

– Да, – кивнул Беляев. – Я от Витаса.

В выдержанной позе парня наметился перелом, какая-то расслабленность. Лицо перестало быть серьезным, он потер кончик носа и прокашлялся.

– Тогда, чувачок, пойдём-ка на лавочку присядем. – Голос парня потерял свою бархатистость, в нем появились какие-то едва уловимые нотки, которым Алексей пока не мог дать определения.

– Что ж, пройдем, – согласился Беляев и пошел к дальней лавке, туда, где было поменьше народу.

Парень со скучающим видом плюхнулся на скамейку, а Беляев осторожно присел рядом. В образовавшемся между ними пространстве появился полиэтиленовый красно-белый пакетик с надписью WEST.

– Передашь, – сообщил парень в воздух. Он будто бы ни к кому не обращался, просто сидел на лавке и пялился на фонтан.

– Куда? – поинтересовался Алексей.

– Адрес, – безлико возвестил парень. На скамейку между ним и Алексеем легла бумажка.

– Кому? – спросил Беляев.

– Шныре.

– Кому-у?

Парень перевел взгляд с фонтана на Алексея:

– Ты что, чувачок, глухенький? Сказал же: Шныре!

– А кто такая Шныра? – не понял Беляев.

Парень посмотрел на него с каким-то новым оттенком во взгляде.

– Лох, – сообщил он в своей обычной манере в воздух. Затем поднялся со скамейки и добавил: – Приедешь по адресу, спросишь Шныру. Покеда, чувачок.

И парень пошел прочь. Алексей подскочил, догнал, тронул за плечо:

– А поче...

– Отвянь, ламер, – вполне доходчиво ответил на все возникшие и не возникшие вопросы парень и дернул плечом, стряхнув руку Беляева.

Алексей какое-то время, оторопев, смотрел на удаляющуюся спину, потом заглянул в пакет. Там лежал спортивный костюм, в который явно что-то было завернуто. Беляев решил

не давать волю любопытству, в конце концов, это не его дело, что в пакете и какая такая там Шныра. Леша закрыл пакет, развернул бумажку с адресом и кхекнул.

– Ну и концы у вас, ребята, – пробормотал он под нос и направился к метро.

В квартире явно ощущалось чье-то присутствие, но дверь открыли не сразу. За обшарпанной и разбухшей деревянной поверхностью слышались постукивания, шарканье и даже напряженное сопение. Тусклая ручка иногда нервно дергалась. Кто-то стоял за дверью, гадая, следует открывать или визитер уйдет. Алексей трижды успел позвонить, прежде чем с той стороны раздался голос:

– Кто? – Голос прозвучал нервно, с нервной дрожью.

– Я от Витаса, – не растерялся Беляев. – Мне Шныра нужна.

– Какая шныра? – послышалось из-за двери.

– Видимо, та, что живет в этой квартире. Я по просьбе Виталия Яловегина принес тут кое-что. – Разговор через дверь начинал раздражать.

– Что принес?

– Костюм спортивный. Фирма. Продать хочу по спекулятивной цене, – рассердился Алексей. – Вы откроете или нет?

– Открою, – снизошел до ответа невидимый неврастеник и защелкал засовами.

Алексей ждал. Вскоре дверь распахнулась и на пороге появился огромный толстый мужик. Такие обычно излучают море обаяния и добродушия, всегда спокойны, чаще веселы. Но только не этот. Этот дергался, нервно теребил пальцы, а по лицу, как в чехарду играли, прыгали нервные тики. Алексей обратил внимание на то, что если у мужика перестает подергиваться веко, то начинает дергаться щека, а ей на смену приходит уголок рта. «Готовый клиент дурки», – подумал Беляев.

– Значит, ты от Витаса? – переспросил дерганый толстяк.

– Да, – кивнул Алексей. – Могу я, наконец, видеть ту женщину, к которой меня направили?

– Какую женщину? – не понял толстяк.

– Ну, Шныру эту, или как там...

– Чмо. – Толстяк нервно хихикнул. – Шныра – это не баба. Шныра – это я. Проходи.

Алексей прошел в квартиру, и Шныра закрыл за ним дверь. Беляев повернулся и вопросительно посмотрел на хозяина.

– На кухню, – указал направление толстяк.

Леша протопал на кухню, маленькую и замызганную. Не дожидаясь приглашения, присел на табурет. Шныра задернул грязную выгоревшую на солнце занавеску и посмотрел на Беляева:

– Ну?

– Чего ну?

– Где костюм? – Шныра хрустнул пальцами, запихнул правую руку в карман джинсов, левая же метнулась к подергивающемуся рту. Толстяк принялся усердно обглаживать ноготь на большом пальце.

– Здесь. – Алексей протянул пакет. В его голове крутились неприятные мысли: «Это что, игра какая-то? Или этот Шныра больной на всю голову? И вообще, что я принес? Что лежит в пакете завернутое в спортивный костюм? Ведь там точно что-то лежит».

– Точно фирма? – вцепился в пакет толстяк. – Посиди, я проверю.

С этими словами Шныра выскочил из кухни с пакетом в обнимку и заперся в ванной. Через какое-то время, что Беляев убил, изучая скудную кухонную обстановку, толстяк снова появился в дверях. Дергался он точно так же, но, кажется, теперь был весьма доволен.

– Действительно, хорошо, – кивнул он. – Но спекулятивная цена – это чересчур, так Витасу и передай. Хотя я понимаю, что это стоит больше, цены растут, так что я согласен на

некоторое повышение цены, но не до спекулятивной. Так Витасу и передай. Впрочем, я сам с ним переговорю. Подожди еще минуту.

Шныра снова исчез из поля зрения, на этот раз удалился куда-то в глубины плохо освещенной квартиры. Чем-то там зашуршал, стукнул. Алексей услышал, как Шныра с кем-то тихо разговаривает. Вскоре он появился, сжимая в руках газетный сверток.

– Держи, передашь Витасу. Там даже больше, но спекулятивно – это ни в какие ворота. Так и скажи. Если будет заламывать, с ним никто не станет работать.

Алексей поднялся с табурета и взял в руки сверток, что-то легкое, завернутое в газету, достал из кармана заранее приготовленный пакет.

– До свидания.

– Счастливо. – Толстяк начал подталкивать гостя к двери. – Поосторожнее там... И не забудь передать Витасу, что я тебе говорил...

Дверь резко хлопнула, защелкали запираемые замки. Алексей задумчиво двинулся вниз по лестнице, заворачивая полученный груз в пакет.

Виталик уже был дома. Алексей прошел на кухню, молча сунул сверток приятелю.

– Вообще-то здорово, Бляев, – поприветствовал Яловегин.

– Привет.

– Как сработал? Все успешно?

– Да. Тебе этот дерганый просил передать, что цены растут и он готов дать больше, но спекулятивная – это грабеж.

– Какая спекулятивная? Ты о чем? Что за бред?

– Не знаю, – честно признался Леша. – Я сдурубрякнул, пошутить хотел, а он, кажется, всерьез воспринял.

– Ладно, разберемся, – чуть помрачнел Виталий. – Только ты в другой раз сдуру не брякай.

– Виталь, что в пакете?

– В этом? – поинтересовался Яловегин и достал сверток. – Ты действительно хочешь это знать?

– Да.

Яловегин развернул газету, и на стол высыпалась пачка денег. Долларов. Виталий подхватил расползшиеся купюры, собрал их в кучу и принялся пересчитывать. Бумажки весело мелькали в его руках. Яловегин закончил считать, посмотрел на деньги удивленно, будто видел в первый раз в жизни, и принялся пересчитывать заново. Когда последняя бумажка вернулась во вновь собранную кучу, Виталик присвистнул и серьезно посмотрел на Бляева:

– Что ты ему наплел?

– Кому? – не понял Бляев.

– Шныре.

– Да ничего, – замялся Леша и пересказал разговор на лестничной клетке и на кухне у дерганого мужика.

– Ну ты даешь! – рассмеялся Яловегин. – Знаешь, на сколько ты ему сдурубрякнул? Считай, что премиальные у тебя в кармане.

– Виталь?

– Ау?

– За что эти деньги? Что было в том пакете, который я передал Шныре?

– А ты не знаешь? – хитро сощурился Виталик. – И в пакет ты не заглядывал?

– Ну, заглядывал. Там спортивный костюм лежал, а в него завернуто что-то было. Что?

– Тебе оно надо? Твое дело пакет передать, денежку получить и отвалить. Куда ты лезешь, Бляев?

– Куда хочу, туда лезу, – довольно грубо отозвался Алексей, чувствуя, что его снова начинает нести, как тогда с родителями. – Я имею право знать, что я сегодня таскал с собой через весь город.

– Имеешь. Ну, хорошо, – кивнул Яловегин. – А сам ты не догадываешься?

– Нет.

– Дурь ты таскал.

– Наркотики?! – Алексей почувствовал, как внутри его все рушится, осыпается куда-то с громким треском. – Ты что, торгуешь наркотиками?

– А что в этом такого? – удивился Виталий. Торговать можно чем угодно. Закон рынка: спрос рождает предложение. А здесь самый спрос. И вещи это не дешевые, так что заработать можно очень даже ничего. Я же не заставляю их жрать это все. Я только даю им такую возможность. А уж выбор человек делает сам.

Беляев вскинулся, подскочил, чувствуя, как краснеет лицо, горят уши, то ли от стыда, то ли от гнева.

– Ты заставил меня принимать участие в торговле наркотиками! Ты...

– Почему заставил? Ты сам пришел и попросил дать тебе работу. Тебе деньги нужны?

– Деньги?! – Алексей полез в карман и вытащил оттуда полученные утром деньги и ключи. – Забирай! Я не буду торговать этим и не желаю иметь с тобой никакого дела.

– Бляев, остынь. Потом приползешь, самому неприятно будет назад проситься.

– Я не буду! – рявкнул Алексей и бросился к двери. – Слышишь, никогда не буду!

Когда Беляев с грохотом захлопнул за собой дверь, Виталик подошел к окну, чтобы посмотреть вслед Алексею.

– Будешь, – произнес он грустно. – Теперь уже будешь, Лешенька. Потому как деваться тебе некуда.

6

Петр Зарубин. Москва. Много лет назад

Дул ветер. Почему-то в этом районе всегда дует ветер. Я шел к метро. Было уже далеко не лето. Ветер тоже особенной теплотой и лаской не отличался, иле-вался холодными колючками, что впивались в лицо и тут же таяли. И несмотря на это, мне было душно.

Именно тогда я понял, что мне все время душно. Душно в этом районе, душно на этой улице. И дело не в местности, когда спущусь в метро и поеду к центру, мне все равно будет душно...

Вагон мерзко покачивало, до тошноты. Я расстегнул куртку, распахнул полы, стянул шарф, что пестрой веревкой обвил шею. Душно. Дернул галстук – ненавижу галстуки! Расстегнул верхнюю пуговицу у сорочки, затем еще одну. Бабка с непомерно огромной сумкой сидит напротив, косится, как на восьмое чудо света.

Душно! Срываю галстук вовсе, сую в карман. Пытаюсь расстегнуть пиджак – не выходит. Я дергаю ткань, с мясом вырываю пуговицу, кругляшок пластмассы отлетает в сторону, падает, катится... Бабка смотрит с злобой, презрением. Я чувствую, что сейчас начнет громогласно вспоминать, какие люди были в ее время и какая нынче молодежь пошла. Ненавижу бабок! От них мне тоже душно. Только теперь понимаю, что душно мне в этом городе.

Он давит, не дает вздохнуть. Он забирается в легкие смогом и гарью, парами бензина и вонью брошенных на асфальт бомжей. Он мозолит глаза бесконечными толпами, качающимися в такт непонятно чему телесами, несущимися в никуда машинами. Он давит мегатоннами рекламы, объявлений, нелепых выкриков. Он норовит испачкать, задушить суетливой ложью, бегущим лицемерием, чехардой грязи бесчеловечных человеческих отношений.

Мне душно! Душно!

Тогда я сбежал в другой город – не помогло. Я пошел пешком по деревням – духота мегаполиса сменилась духотой деревни. Эта не стягивала шею галстуком, а нежно тянула запахом навоза, сена и закономерной безысходности.

Да, безысходность! Тогда с одним мужиком пили. Не помню где. Кажется под Ростовом, совсем рядом с городом. Там даже газ протянут был. И как его звали? Миша? Гриша? Нет, вроде все же Миша. Дядя Миша из Парижа. Почему из Парижа? Видимо, я тогда так шутил.

– Ты, паря, не прав, – сказал он, ткнув пустым стаканом в стол.

– Почему это? – пьяно возмутился я.

– Ты говоришь, что от духоты бежишь, что душил тебя что-то.

– Или кто-то, – кивнул я.

– Не важно, – отмахнулся дядя Миша. – Не важно. Знаю я, от кого ты бежишь. Вот это важно!

– От кого?

– Давай выпьем.

– Давай.

И выпили. Дядя Миша из Парижа замолчал. Надолго замолчал.

– Так от кого? – не выдержал я. – От кого я бегу? Кто меня душил?

– Сам, – грустно произнес он, прикрывая глаза.

– Что?!

– От себя ты бежишь. Сам ты себя душишь. Старая это история, паря. Все бегают. Только вот пока никто не сбежал. Так-то.

В глазах потемнело. Рука сама вцепилась в столешницу.

– Открой окно, – прохрипел я.

– Зачем?

– Мне душно...

А потом я все-таки напился. Дядя Миша... Да, все же его звали Мишей. Так он отрубился довольно быстро, а я, хоть и был пьян, заснуть не смог. Зато я смог встать, пойти на кухню и открыть вентиль у замурзанной газовой плитки. Мне помнится, я кричал что-то:

– Не смог? Ты говоришь, что еще никто не смог убежать? Смотри, я смогу сделать то, чего не смог никто. Я...

Я ждал, что наконец пропадет удушье. Но оно не исчезло, зато в легких навсегда остался запах газовой плиты, вонь газа. А еще в памяти остался образ дяди...иши из Парижа. Как же все-таки его звали? Не важно, он умер раньше меня. Тихо, во сне. Он так и не узнал, что вырвало его из объятий так горячо любимой им жизни.

А я так и не узнал, что такое жизнь без постоянного ощущения духоты. Я очень хотел, чтобы не было душно, я мечтал о глотке свежего воздуха. Я не получил его. Вместо него пришла еще более жуткая, сводящая с ума духота. Духота без конца и края...

7

Алексей Беляев. 23 года. Воспоминания

– А-а-а, Лелик!

Мужика в байкерском прикиде, распахнувшего дверь, звали Гариком. То ли на самом деле, то ли кликуха такая – Беляев не знал, и это его не трогало. Алексей приносил сюда товар и получал за него деньги. Сегодня это был уже седьмой заход, и Гарик вел себя довольно свободно, совсем не так, как в первый приход. Тогда он смотрел на Лешу настороженно, ловил взгляды, движения и недомолвки. Сейчас же Гарик принял его совершенно по-свойски.

– Заходи-заходи, – продолжал радушно гудеть он. – Вон на кухню. Знакомься. Это Вова, это Мана-вар. Вон там в углу... Впрочем, он уже нахрюкался. Это Капрон.

Алексей окинул беглым взглядом сидящих на кухне. Вова выглядел вполне солидным упитанным дядькой лет тридцати. Даже простецкий прикид, черные кожаные штаны и черная футболка с какой-то байкерской картинкой с кучей фенечек, выглядел на нем не дешевым тряпьем, а дорогим костюмом, вылизанным до безупречного состояния. Так мог выглядеть маскарадный костюм какого-нибудь богатея, которому стукнуло бы вырядиться байкером на Новый год, например.

Названный Капроном, напротив, был неряшлив и замызган. Длинные волосы грязными прядями спускались на плечи, на поцарапанной роже цвела недельная щетина. Возраст Капрона Алексей определить не взялся бы, но поведением тот смахивал на безмозглого подростка из серии «пепси-пейджер-МТУ». Ткнувшегося мордой в тарелку Манавара Леша рассмотреть не смог.

Беляев пожал пару липких рук. Кивнул, пробормотал что-то дежурное. Гарик подсуетился, подставил стул, усадил: «Садись, садись!»

– Ну как? – поинтересовался наконец. – Принес?

Алексей чуть заметно вздрогнул и пробежался взглядом по лицам гариковских гостей.

– При них можно, – разрешил Гарик. – Это свои.

– Насколько свои? – заартачился Беляев.

– В доску, – не задумываясь, бросил Гарик.

– Принес, – кивнул Алексей.

– Сколько?

– Как договорились.

– За почему?

– Как обычно, – пожал плечами Беляев. – Если хочешь, можешь пару сотен накинуть.

– За что? – не понял Гарик.

– За глаза мои красивые, – усмехнулся Алексей.

Гарик шумно плюхнулся на табурет, засопел натужно, потом расслабился. Складки сосредоточенности на лице разгладились, появилась кривая ухмылка.

– Все шутишь?

– А чё еще делать?

– Пить, – встрял в разговор мужик, которого Гарик назвал Вовой. Он как раз разливал по стаканам дешевую водку. – Эй, радушный хозяин, подай гостю тару.

Гарик молча протянул руку в сторону шкафчика, выволок оттуда граненую емкость. Водка вялой струйкой потекла в стакан. Дозатор, что стали ставить теперь на каждое горлышко, не хотел делиться сорокаградусной жидкостью.

– Больше поворачивай, – проворчал Гарик.

– Не учи, – скопился на него Вова. – Мне процесс нравится.

Наконец ритуал разлития был закончен, и Гарик поднял стакан «за знакомство».

– Пельмень бери, – посоветовал Капрон. – Пельменем очень хорошо закусывается. Или, если хочешь, заварочки холодненькой крепенькой налью? Ей запивать одно удовольствие. Тебе сахарку кинуть? Правда, не растворится ни хрена, ну да хрен с ним.

– Спасибо, – кивнул Леша, жуя заплывшую жиром пельменину.

– Значит, это ты тот благодетель, который снабжает нас кайфом последние полгода? – возобновил разговор Вова. – На кого работаешь?

– На себя, – довольно резко ответил Беляев, подобная активность со стороны этого непонятого Вовы раздражала.

– Не дурно, – одобрительно кивнул Вова. – А все-таки?

– Это компаньон Витаса, – ответил за Беляева Гарик.

– Этого козла?! – взвился Капрон. – Послушай сюда, Леха, гнилой чувак этот твой Витас. Я смотрю, ты парень ничего, так вот, не стоит тебе с этим гнусом дело иметь.

– Свое отношение к Витасу при себе держи, – порекомендовал Вова. – Все знают, что он тебе не нравится, и все знают, почему он тебе не нравится. Напомнить?

– Отлезь, гнида, – огрызнулся на него Капрон.

– Ого! – восхитился Алексей такому знанию классики со стороны довольно серого на вид Капрона. – Булгакова читал?

– Чего это он? – спросил Капрон, поворачиваясь к Гарику. – Наехал?

– Все в порядке, – поспешил успокоить Гарик и добавил, обращаясь уже к Леше: – Это он кино у меня на днях посмотрел.

– А, ты про ту лажу? – догадался Капрон. – Хренота.

– Что, не понравилось? – заинтересовался Беляев.

– Хренота на постном масле, – выдал приговор Капрон. – На хрена было над собакой издеваться, а потом нормального мужика опять в собаку. И эти – чудаки! Один еще хоть отбрехаться может, а второй так ваще интель сраный.

– Это какой? – Беляев потерял нить рассуждения.

– Этот... как его? Ну, этот... Еврей который. Бар-моглот!

– Борменталь, – поправил Вова, что задумчиво цедил водку маленькими глоточками.

– Один хрен, – махнул рукой Капрон. – Давайте лучше выпьем.

– Пей, – отмахнулся Гарик. – Только по примеру дружка своего мордой в стол не падай. Хватит здесь одного балбеса. Лелик, ты товар-то доставай.

Беляев молча откинул полу куртки, расстегнул спрятавшуюся под ней поясную сумочку и выволок на стол несколько пакетиков с травой. Гарик протянул руку, развернул один, принялся нюхать. Ноздри жадно затрепетали.

– Может, кальяничик раскурим? – подмигнул он Вова.

– Давай, – обрадовался Капрон.

– Глохни, – посоветовал ему Вова с той интонацией, с которой отцы дают советы неразумным отпрыскам.

Гарик достал из-под стола пластиковую пивную бутылку, содрал с нее этикетку. В руке его появилась зажигалка, с помощью которой он принялся прожигать в пивной таре отверстие. Затем Гарик начал химичить с бутылочным горлышком. В ход пошла фольга от сигаретной пачки, в которой тоже появились дырочки, потом туда набилась порция травы. Гарик критически осмотрел устройство и удовлетворенно хмыкнул: «Годится». Он щелкнул зажигалкой и, когда кальяновый наполнитель начал тлеть, присосался к дырке в бутылочном боку.

Затуманившиеся внутренности кальяноподобной конструкции, начавшие было наполняться дымом, просветлели, затем дурман снова за клубился внутри густым туманом. Гарик выдохнул, зажмурился, молча протянул импровизированный кальян Вова. Тот затянулся пару раз, повернулся к Беляеву:

– Будешь?

- Я не курю, – ответил Алексей.
- Да ладно! – не поверил восторженный Гарик. – Еще скажи, что ни разу не пробовал.
- Ни разу, – кивнул Алексей.
- Свистишь! – вклинился Капрон. – Торгуешь и не пробовал? Так не бывает.
- Попробуй, – протянул бутылку Вова. – Хорошая трава.
- Не хочу, – покачал головой Беляев.
- Боишься! – поддразнил Капрон.
- Заглохни, – цыкнул на него Вова. – Попробуй, с одного разу все равно ничего не будет.
- Ну да, – меланхолично кивнул Алексей. – С одного не будет, зато со второго...
- И со второго не будет, – заверил Гарик. – И с десятого. Это ж не героин. Так, травка – натурпродукт. А потом, кто тебя заставляет второй раз пробовать?
- Ну, например, тот, кто заставляет попробовать первый раз, – пожал плечами Леша.
- А кто тебя заставляет пробовать первый раз? – удивился Вова. – Я не заставляю, я предлагаю. Не хочешь – как хочешь, нам больше достанется.
- Если ты из-за бабок, то не бери в голову, – расщедрился Гарик. – Я угощаю.
- Беляев заколебался. Сблудн попробовать возникал не единожды, но мешал заложенный чуть не с детства патологический страх. «А вдруг подсяду и не слезу? А с другой стороны, вон они: Гарик, Вова, этот сопляк Капрон. С ними ж ничего плохого не происходит. Никто не умер, никто не сидит. Живут как жили, и ничего. Правда, покуривают время от времени, ну, так они и водку пьют время от времени. Никто ж не спился. Просто во всем нужно знать меру», – подумал Беляев и принял бутылку.
- Дым был горьким и чуточку отдавал паленой пластмассой, вероятно, от бутылки.
- Ну как? – поинтересовался Капрон.
- Леша прислушался к ощущениям, затянулся еще раз, снова прислушался.
- Никак, – честно ответил он, протягивая кальян Капрону.
- Ничего, – подбодрил тот, присасываясь к отверстию в баллоне. – Ща торкнет. Первый раз никогда не бывает сразу.
- Точно, – подтвердил Вова с видом знатока. – Это ж не водка. Вообще прислушиваться к себе не надо. Ждать чего-то. Не надо. Придет само. План, он добрый, плавный.
- Пивная бутылка еще раз прошла по кругу, затем еще раз. Долго ожидавший чего-то необычного Беляев вдруг понял, что его на самом деле торкнуло. Описать свое состояние он, пожалуй, не взялся бы. Все стало восприниматься как-то иначе, но кайф был совсем не алкогольный. Казалось, что окружающая действительность неожиданно повернулась к Алексею своей ласковой стороной.
- Лелик, ты как? – вторгся в сознание голос Гарика.
- Нормально, – кивнул Беляев. – На самом деле пойду я потихоньку. А то мне еще до дому, до хаты пилить и пилить, а спать на улице неохота.
- Так оставайся, – предложил Вова.
- Не-е, я предпочитаю дома спать, – упрямо протянул Алексей. – Спасибо этому дому, пойду к другому.
- Беляев поднялся, все вокруг поплыло куда-то, закачалось, заплескалось мягкими ласковыми волнами. Алексей неторопливо побрел к выходу. У двери повернулся:
- Радужный хозяин, дверь открой, а то в твоих замках сам черт ногу сломит.
- Стой, – напомнил Гарик. – А бабки?
- Ах да. – Беляев сморщился. – Бабки. Бабки-бабки... Гони бабки и открывай ворота. Гарик суетливо выволок деньги, впихнул Алексею прямо в руки:
- Ты дойдешь?
- А чё мне делается? – пожал плечами Беляев.
- Ну, смотри.

Когда Гарик закрыл дверь и вернулся за стол, Капрон храпел, уткнувшись рожей в стол. Вова медленно втягивал в себя остатки дурмана, что дымился в пивной бутылке.

– А ведь он, кажется, действительно первый раз попробовал, – задумчиво произнес Гарик.

– Кто? – не понял Вова.

– Леха этот.

– Приятель витасовский? Да бог с ним. Ты мне лучше скажи, где ты этих козлов подцепил? – Вова кивнул в сторону Капрона и Манавара.

– Да так, – задумчиво пробормотал Гарик себе под нос. – Прибились на днях, на горке. Так... Давай-ка лучше водочки. И пельмень свежий запусти варить, а то этот замерз уже.

8

Алексей Беляев. 24 года. Воспоминания

Клуб назывался как-то похабно, чуть ли не «Голубая устрица». И хоть название на самом деле звучало несколько иначе, собирались там именно те самые пресловутые голубки. Витас, когда первый раз отправлял его туда, так и пошутил:

– Бляев, ты там хоть раз был?

– Нет, а что там?

– Увидишь, тебе понравится, – хохотнул Ялове-гин и с пафосом провозгласил: – Летела стая голубей, один другого голубей.

– Чего? – не понял Алексей.

– Гомики там собираются. Как один хмырь написал у нас в лифте, пидарасы.

– Не пидарасы, а пидоразы, – поправил Леша. – А в общем, один хрен. Я когда служил, у нас один такой тоже попался. Написал на заборе про прапора: «Наш Виталик, – вы с ним тезки были, так вот: – Наш Виталик пидарас и еще раз пидарас».

– О том, как его поймали и отметелили, я слушать не хочу, – скривился Витас.

– А его и не метелили. Кто-то стукнул, его поймали и... Прапор у нас с понятием был, не такой дуб, про которых анекдоты травят. Он его за стол посадил, дал тетрадку на сорок восемь листов и велел писать «Наш Виталик педераст и еще раз педераст», и так от первого до последнего листа. Пока тот всю тетрадь не исписал, ни жрать, ни спать ему не давал. А когда этот хмырь закончил, у него уже желания писать на заборе не было. Кроме того, на всю жизнь запомнил, как это словарное слово пишется.

– Садисты, блин, – усмехнулся Виталик. – А еще спрашивают, почему военных не любят. Да вот поэтому и не любят. Короче, кончай базар и давай дуй в клубец. Клубиться будешь.

– С тобой поклубишься, – огрызнулся Беляев. – Добро бы в нормальный бар, ресторан или клуб послал да денег дал. А то к гомикам.

– Тебе, собственно, все эти голуби и не нужны, – одернул Витас. – Найдешь там Сашу. Скажешь, от Витаса. Ну, дальше ты знаешь. По обстоятельствам.

– Саш много.

– Саша там один, не бойсь, не перепутаешь.

Саша действительно оказался один или одна... В любом случае спутать это существо с кем-то еще было весьма сложно, и знали его здесь все. Саша сидело напротив и представляло собой весьма оригинальное зрелище. Эдакая помесь мужика, корчащего из себя девку, с девкой, корчащей из себя мужика. Определить пол Саши Беляев так и не смог, имя тоже ни о чем не говорило. На вопрос в лоб Саша рассмеялась и выдал:

– Какая разница? Бог творил по образу и подобию своему и сварганил гермафродита. Это потом разделил на мужчину и женщину.

– Врешь! – возмутился Алексей.

– «...и сотворил Бог человека по образу своему, сотворил его самцом и самкой по образу Божьему», – закатив глаза, процитировал Саша, потом хитро сощурился. – Стих 27, глава первая книги Бытие, дословный перевод, который очень любят предавать искажениям из-за его двусмысленности. А вопрос о создании бабы поднимается только в конце второй главы.

– Будем считать, что убедил... убедила... приду домой, посмотрю в Библии. Так все же к вопросу о поле.

– Мне присуще богоподобие, – рассмеялась Саша. – Зови как хочешь.

– Тогда буду, как Витас, подходить к вопросу по-мужски.

– По-мужски – это как? – начала жеманничать Саша. – За шиворот и в кусты?

– Давай определимся сразу, – резко начал Беляев, которому этот разговор не нравился и не вызывал ничего, кроме неуютного раздражения.

– Ты даже не би, – закончил за него Саша. – Хорошо. Давай по делу, развлечения оставим до другого раза.

– Ну, не стоит так категорично, – хмыкнул Алексей. – Развлекись рюмочкой какого-нибудь алкоголя я вполне могу себе позволить. Есть в этом кабаке какое-нибудь приличное пойло?

– Только пиво. Темное. Местное.

– В смысле?

– В том смысле, – пояснила Саша, доставая пачку сигарет. – Что его здесь варят. Правда, стоит оно до черта, но оно того стоит.

Алексей задержал взгляд на сигаретах. Сладкий «Кептен Блек» – такое чаще курят женщины, правда, темное пиво чаще пьют мужчины. А с другой стороны, сейчас настолько все перемешалось, особенно здесь.

– Тогда давай по пиву, и закончим с делом, – согласился Леша. – Официант! Четыре кружки темного пива. Фирменного? – повернулся он к Саше, та кивнула. – Фирменного.

К тому моменту, как товар переключал к Саше, а деньги к Алексею, оба были уже довольно нетрезвы. Фирменное пиво оказалось коварным напитком. Естественно для коварного напитка, оно пилось легко и с удовольствием, а потом вдруг становилось понятно, что встать с барного высокого стула и не упасть при этом весьма проблематично.

– Набрались, – резюмировал Беляев.

Саша поморщился, встал и поперся куда-то с товаром. Леша остался доцеживать остатки пива. Деньги приятно грели карман, пиво не менее приятно грело душу.

– Пошли. – Вернувшийся Саша бухнул кулаком по столу.

– Давай без пошлостей, – попросил Беляев.

– Без пошлостей, – согласилась Саша. – Идем.

– Куда?

– Есть одно хорошенькое местечко.

– Какое это? – насторожился Алексей.

– Тебе контакты налаживать треба? – сердито спросил Саша.

– Контакты контактам рознь. Какие контакты?

– По продаже твоей лажи, – отозвалась Саша. – О как, в рифму! Дурь торговать будешь только по ви-гасовской наводке или расширять связи станешь?

Алексей задумался. В общем, если он найдет новые каналы сбыта, Виталик не расстроится. Наоборот, сколько раз Яловегин говорил, что приветствует всякое развитие бизнеса... Только всегда при этом просил быть осторожным, не проколоться.

– Что за местечко? – спросил наконец Беляев.

– Пафосное местечко, – расслабилось бесполое существо. – Богемная тусовка. Всякие несостоявши-еся или сброшенные с пьедестала гении. Или гении, но никем особо не замеченные. Поэты, музыканты, гомосексуалисты-философы, неформалы и прочая братия. В общем, элита. И вся эта элита крутится вокруг нескольких магов.

– Кого? – не понял Беляев.

– Магов. Ну, знаешь, такие потомственные гадалки, прорицатели, девственники в четвертом поколении. Блаватскую наизусть шпарят, о высоких материях беседуют, спиритические сеансы устраивают.

– Шарлатаны?

– Возможно, – серьезно сказала Саша. – А возможно, и нет. Во всяком случае, вся эта гопкомпания вертится вокруг этих колдунов-ведунов и прекрасно себя чувствует. Клинья у них

такие. Обдолбают-ся всякой дрянью, и давай в астрал уходить. А может, в бред наркотический, что, в сущности, одно и то же. Как ты думаешь, нужна таким людям твоя наркота?

Алексей не ответил, вместо этого поднялся, скрипнув тяжелым стулом.

– Идем.

Идти ни у Беяева, ни у Саши не получилось, пришлось ехать. Правда, не так уж далеко. Они поймали машину. Водитель оказался молчаливым мрачным мужиком, с уставшим лицом и потухшими глазами. Саша плюхнулся на переднее сиденье, Беяев сел назад. От фирменного темного хотелось подремать. Саша принялся, или принялась, или принялось... Бесполое существо не замолкало ни на секунду. О чем-то трещало с мужиком, пыталось показывать дорогу. Параллельно с этим отвлекалось на Беяева.

– Вот там чуть в сторону от Невского. Знаете? Ага. Так вот, Леша, клуб, можно сказать, по интересам, причем закрытый. И интересы у них тоже весьма специфические. Ну, в общем, увидишь. Вот здесь направо. Угу. Да, и заметь, что просто так туда с улицы не попадешь. Так что скажи мне спасибо.

– Спасибо, – глухо отозвался Беяев.

– Спасибо, – поблагодарил Саша водителя, что притормозил у старого кирпичного дома. Алексей пожелал мужику счастливого пути и выбрался из машины.

Вокруг было темно, тускло мерцал одинокий фонарь, света от которого было не много. Дальше, ближе к Невскому разливалось по небу разноцветное зарево, но здесь не то лампы побили, не то просто экономят. Фыркнул мотор, отъезжающая машина чиркнула фарами по обшарпанным стенам и умчалась в темноту. Беяев неуверенно оглянулся, Саша, стоявшая позади, осторожно пихнула его в плечо:

– Идем, нам дальше.

– Куда? – любопытствовал Алексей.

«Попал, – крутилась в голове паническая мысль. – Как есть попал!»

Некстати вспомнились яловегинские страшилки, истории из его дилерской практики.

«Говорили же тебе, осторожно. Не суйся куда не следует. Рынок он расширяет! Вот сейчас навалиют эти пидоры по почкам, бабки отберут и товар. Хорошо хоть, живым уйдешь».

– Налево в арку, – указал рукой Саша. – Вход со двора.

Алексей молча кивнул и, поеживаясь, двинулся в обход дома. Арочный проход долго отдавался эхом нетрезвых Алексеевых шагов. Во дворе было чуть светлее, здесь горело аж целых четыре фонаря.

«Непростительная роскошь, – подумал Беяев. – И глупость. Кто ж при свете бьет? А может, пронесет?»

– Куда ты прешь, Лелик! – окрикнули сзади.

Алексей обернулся, Саша молча показывала на лестницу в полуподвал. Подойдя ближе и глянув вниз, Беяев увидел избитые древние ступеньки, которые упирались в массивную стальную дверь, покрашенную чем-то блестящим и черным.

– Нам туда?

Саша кивнул, оттолкнул Алексея плечом и потопал вниз, Беяеву ничего не оставалось, как двинуться следом. На нажатие не приметной кнопки милой трелью отозвался дверной звонок. Через какое-то время с той стороны двери послышались глухие шаги, лязгнул замок. В дверях показался квадратный детина с печальным выражением на скуластом лице. Он посмотрел неприязненно на Сашу и Беяева и пробурчал:

– Пропуск.

Саша молча показала ламинированный картонный прямоугольник. Детина недовольно фыркнул, повернулся к Алексею:

– Ваш пропуск.

– Это со мной, – беспечно сообщила Саша.

– Без пропуска не впущу, – поведал охранник.

– Знаешь, что я тебе скажу. – Саша подошла к детине, поманила и, когда тот чуть наклонился, принялась что-то быстро и яростно шептать.

Алексей с удивлением увидел, как переменялся в лице охранник. Вскоре страж тихо извинился и отступил в сторону. Саша энергично взмахнул рукой, приглашая внутрь:

– Проходи, гостем будешь. Добро пожаловать! Клуб для избранных, «Третий Нуль».

– Нуль? – поинтересовался Леша, протискиваясь внутрь.

– Нуль. И не спрашивай меня почему!

Саша провела Беляева по мрачному коридору – низкие потолки, бесконечные повороты, выступы в самых неудобных местах. Подвал был загажен, но задрипанность эта не имела ничего общего со стандартным обгаженным подвалом. Каждая грязная деталь, каждый элемент беспорядка были спланированы, спроектированы и упорядочены в соответствии с планом.

Когда перед Алексеем распахнулись двери, так же художественно замурзанные, как и все остальное, мысли о подвальной шантрапе отступили. Леша остолбенел от неожиданности. Огромное пространство ошеломляло. Тут не было ни следа той грязи, что сопровождала их в коридоре. Колонны, гардины, люстры, свечи, мальчики в белых фраках с подносами, антикварная, хоть и в небольшом количестве, мебель. Так мог выглядеть бальный – не сказать тронный – зал какого-нибудь дворца семнадцатого – восемнадцатого веков. В таком зале мог происходить бал у Сатаны, воспетый Булгаковым.

Пока Беляев разевал рот, Саша выхватила из толпы какого-то богемного вида дядю и представила его как Игоря, хозяина милого клуба. Алексей был отрекомендован как «полезный человек» с пояснением, в чем именно заключается его полезность. После чего Леша был оставлен на Игоря, а бесполое существо тут же растворилось в толпе.

– Как вам здесь нравится? – донесся до сознания Беляева голос богемного дяди.

Алексее показалось, что этот вопрос Игорь повторяет уже второй раз, только Леша не сразу понял, что обращаются уже к нему.

– А? Да, в общем, интересно. Даже неожиданно.

– Неожиданно – это точно. – Игорь доверительно подхватил Алексея под руку и поволок куда-то сквозь толпу. – А интересно будет после. О деле, если позволите, позже, а сейчас я бы хотел показать вам свой клуб. В общем, он, конечно, и не мой, он – их. Они люди творческие, интересные, а я только предоставляю им возможность встречаться и общаться. Мне и самому любопытно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.